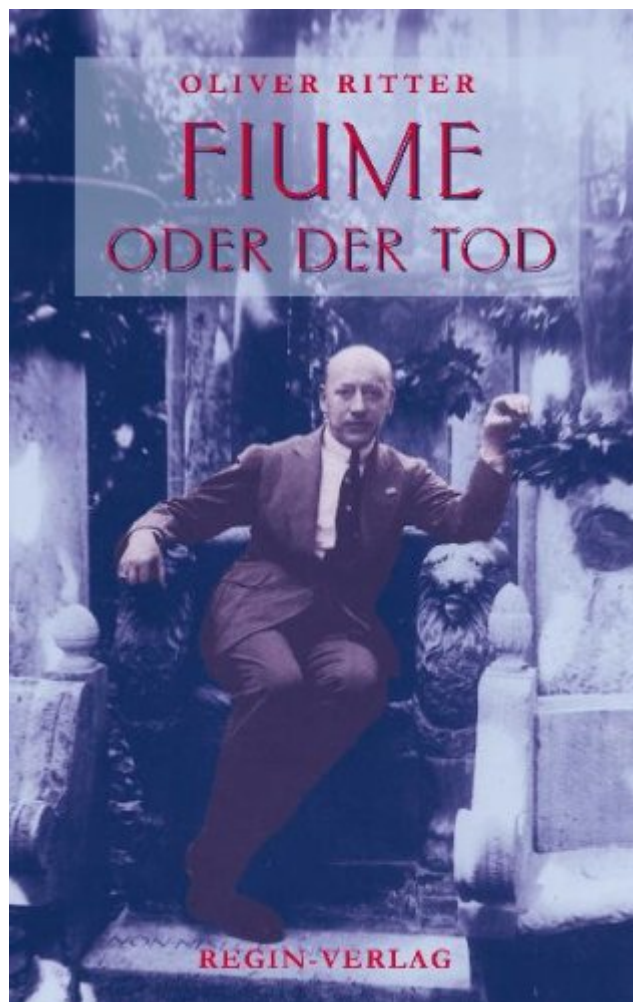

Оливер Риттер

ФИУМЕ ИЛИ СМЕРТЬ

НОВЕЛЛА

Второе издание

Издательство Регин-Ферлаг, Киль, 2010 г.

(Первое издание вышло в 2004 году)

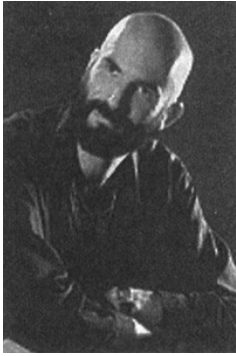

Габриэле Д'Аннунцио (1863-1938)

О книге: Книга «Фиуме или смерть» рассказывает авантурную историю города Фиуме, захваченного 12 сентября 1919 года легендарным поэтом-воином Габриэле Д'Аннунцио (1863-1938) и его маленькой частной армией.

На протяжении всего продлившегося 15 месяцев господства над городом Габриэле Д'Аннунцио предается радикально архаичному мистицизму. В своем красочном сценарии Д'Аннунцио связывает живую римскую традицию с модернистски-декадентским гедонизмом и порождает сплетение протофашистских жизнеощущений. Между топотом сапог гордых легионеров и средиземноморской «сладкой жизнью» происходит бурное торжество Марса и Эроса – жизнь торжествует как цельное произведение искусства. В разработанной Д'Аннунцио для Фиуме конституции эстетика объявляется законом.

Художники, авантюристы, интеллектуалы и солдаты танцуют свой последний танец в кроваво-красном свете солнечного заката в погибающем городе.

Об авторе: Оливер Риттер родился в 1960 году и уже в юности познакомился с творчеством итальянского культурного философа Юлиуса Эволы, которое оказало на него очень серьезное влияние. После изучения теологии Риттер проводил научные командировки во всей Европе, целью которых, среди прочего, был поиск легендарного Грааля в Пиренеях. В настоящее время Риттер является писателем и свободным художником, скульптуры и кубистские картины которого сегодня пользуются международной известностью. Большинство его произведений вдохновлено Интегральной традицией в духе Эволы. До сего дня Риттер опубликовал восемь книг. В издательстве Регин-Ферлаг вышла также другая книга этого же автора: «Один день из жизни Юлиуса Эволы: Новелла».

ФИУМЕ ИЛИ СМЕРТЬ

Новелла

- Vogliamo prendere un áranciate?¹

Старый господин, который преодолел все ступеньки к замку Трсат с приткостью двадцатилетнего юноши и при этом непрерывно болтая со мной, указал, стирая изящным носовым платком пот со лба, на террасу бара, где зонтики от солнца образовывали соблазнительный тенистый оазис. Мне тоже хотелось попить и просто необходимо было передохнуть. Поэтому мы уселись за одним из этих круглых металлических столиков около склона, так чтобы можно было в полной мере наслаждаться панорамой города, который подобно белой голубке лежал у наших ног. Приятный ветерок овеивал наши разгоряченные лица.

- Que città, que città meravigliosa.²

Итальянец облокотился о балюстраду и, положив подбородок на руку, пристально смотрел в туманную даль, погружившись в свои мысли.

– Вы снова думаете о Фиуме? – спросил я, хоть этот вопрос и был совершенно излишним.

¹ «Не взять ли нам апельсиновый напиток?»

² «Какой город, какой удивительный город».

– Я всегда думаю о Фиуме, *sempre, sempre*, – воскликнул он страстно и ударил ладонью о камень. И в нем снова возникло то же самое: этот мерцающий огонь в глазах, только что еще покрытых пеленой меланхолии, под девственным лесом седых бровей, на худом лице, отмеченном бесчисленными морщинами и пятнами старческом.

- Фиуме не умирает, – прошептал он с улыбкой: – ведь Фиуме – это не город, а видение. Города разрушаются, сгорают и меняют имена как женщины. Теперь здесь он называется Риека и принадлежит Югославии. Вчера он назывался Фиуме, завтра, вероятно, его назовут Распутчистан, но горе тому, кто не назовет его сегодня Риекой. Тем не менее, на протяжении пятнадцати месяцев этот город был местопребыванием трона богов. Этот банальный, шумный портовый город был вершиной мира, окруженной сверкающими искрами торжественного танца наших грез, которые отливались, выковывались под стальными кулаками, чтобы в этом ярком сверкании возвестить о лаврах Вечного Рима – вы только подумайте об этом, подчеркнул он иронично, заметив выражение растерянности на моем лице.

Да, дорогие читатели, вы уже догадались... я действительно столкнулся с настоящим фашистом. Да еще и из старой гвардии, которые, как известно, самые упрямые. Такое ведь могло случиться только со мной. Поехал себе человек в совершенно безобидный отпуск на Адриатику, и сразу же рядом с ним оказывается такая вот сволочь. Этот тип был мне в высшей степени неприятен, уж можете мне поверить. Тем не менее: автору нужен материал, чтобы писать свои истории, и если очарование зла окутывается южной романтикой, сопротивляться такому субъекту почти невозможно. Это я говорю только в качестве оправдания того, что я остался сидеть с ним, и позволил моему перу – которое противилось этому точно так же, как и я сам – скользить по бумаге.

– Вон там внизу проходили мы.

Старик, описав рукой широкую дугу, указал на мерцающий серп полосы побережья, который врезался в пейзаж со стороны затянутой туманом суши.

– Это была колонна, да уж, что мне вам сказать... Грузовики, автомобили, танки, лошади, пехота до самого горизонта. Большинство было из Венеции и прошло долгий путь. Но и совсем издалека и от Триестских гор к нам присоединялись все новые и новые цепочки людей, делаая поток восстания сильным и непреодолимым. Кого только не увлек за собой этот поток. Деревенский школьный учитель, который вел за собой кучу детей, чтобы показать им «живую историю». Усердный государственный служащий, который со словами «Отечество зовет» прибежал к своему начальнику, скинул свой белый конторский халат и в

черной рубашке поспешил сюда. Студент, бросивший лекции, врач, забывший своих пациентов, коммерсант, еще успевший быстро наклеить листок на витрину своего магазина: «Закрето на переучет».

Там были рыбаки, которые маршировали в черных матросских куртках, солдаты, только что пришедшие с фронта, крестьяне на рабочих лошадях, батраки, которые бежали с полей, размахивая косами. Вооружение было авантюристическим. Наряду с винтовками и ружьями полно было сабель, дубинок, труб и ломов. Один шагал с кинжалом в зубах. Можно было видеть клюшки для гольфа, садовые шланги, корни деревьев и даже ножки столов. Ваш покорный слуга, чтобы не слишком обременять себя, закинул через плечо клиновой ремень. Мой шеф едва не потянул меня за него назад. Однако мне тогда было всего пятнадцать лет, и я был проворнее его, и потому я побежал, посмеиваясь над его градом оскорблений, навстречу колонне. Какое мне теперь дело было до моего места учебы подмастерья. «Фиуме – это смерть! Плевать мне на это!» В течение недель я впитывал в себя лозунги патриотического фронта. Теперь они пылали на лбах людей, которые с яростным взглядом месили ногами глубокую грязь дороги, грохотали подобно грозам над их головами и с презрением сквозь зубы извергались из их ртов: «Фиуме или смерть, ха, плевать мне на это!»

Около Триеста к нам присоединились танки «Bersaglieri»³ и элитные подразделения знаменитых «Fiamme Nere» («Черное пламя»). «Arditi»⁴ затянули песню «Giovinezza»,⁵ будущий гимн фашистов. «Молодость, молодость, весна красоты!» Мое сердце готово было вырваться из груди.

Мимо марширующей колонны над кустарником и живыми изгородями из виноградной лозы оно рвалось навстречу молодой, дерзкой крови. «Ардити» назывались они; это значит «отважные» и «сильные», но указывает на их особенный потенциал, а также на непреодолимую антипатию к всякого рода учреждениям. Этим избранным из всей Италии предстояло добиться в Фиуме исключительной славы.

Пройдя немного вперед, я также смог узнать «Фиат» «Comandante»⁶.

³ «Берсальеры» (от *bersaglio* – «мишень») – стрелки в итальянской армии, особый род войск, элитные высококомобильные пехотные части.

⁴ «Ардити» – «Отважные» – штурмовые подразделения в итальянской армии, появившиеся во время Первой мировой войны, своеобразный «спецназ», состоявший из особо храбрых солдат. Из них был сформирован и потому получил свое название «партизанский отряд», захвативший Фиуме.

⁵ «Молодость».

⁶ «Команданте» – командующий, командир.

Кроваво-красным светом светился он на каждом повороте дороги, а потом опять поглощался людьми и кавалерией, которая собиралась вокруг него. К сожалению, «Команданте» был еще не здоров. Поговаривали, что в ночь перед маршем у него начался сильный жар. «Грузовики! Дайте их мне» – якобы непрерывно кричал он. Но так как акция не терпела больше никакой отсрочки, и он сам был бы последним, кто хотел бы ее отложить, утром, он, опираясь на двух санитаров, поплелся к готовому к отъезду автомобилю. За занавесками ему, скорее мертвому, чем живому, пришлось с жгучим нетерпением ждать самого большого завоевания в его жизни.

Вы смеетесь, я знаю. Для жителей Северной Европы такие состояния слабости не достойны героя. Герои для вас – это люди с природой боксера, с твердыми как сталь нервами, безупречные машины. Мы, итальянцы, считаем иначе. Мы – очень эстетный народ, в котором твердое и мягкое, суровое и нежное связывается в аккорды. Никто не сомневался бы в том, что человек, сидевший на мягком кресле в машине, был героем. То, что у него были нервы – да еще какие нервы – делало его еще более достойным уважения. Его нервы были как струны арфы, дрожащие, вибрирующие, которые с большой силой двигали все Прекрасное и Великое. Он сочинял «Laudi», гимны, восхваляющие небо, море, землю и героев, в одном единственном творческом опьянении, в то время как сама жизнь проникала в него и владела его пером. Кто мог обижаться на него за то, что эти нервы время от времени вспыхивали, в особенности по патриотическому поводу? То, что он был героем, он в достаточной степени доказал на войне.

b) Giovinezza

Giuseppe Blanc

27

Marciale

p

poco a poco cresc.

cresc.

Партитура песни «Giovinezza», гимна Фашистской партии. С 1922 года эту песню всегда исполняли вместе с итальянским национальным гимном.

У «Дуче» было мало причин восторгаться старым сорвиголовой. Но так как ему еще предстояло закрепить свою власть – ведь это был только 1919 год – он

также едва ли был заинтересован в том, чтобы противодействовать борьбе за большую Италию. Потому ему не оставалось ничего иного, как принять своего соперника как национального героя и одобрить атаку, о которой тот просил.

- Почему вторглись именно в Фиуме?

- Хорошо, что вы спрашиваете. Спрашивайте, спрашивайте. Учебники говорят – если там вообще хоть что-то об этом сказано – о противозаконной аннексии, в случае которой речь, естественно, шла о богатствах. Но можете ли вы поверить, однако, что город сам позвал нас?

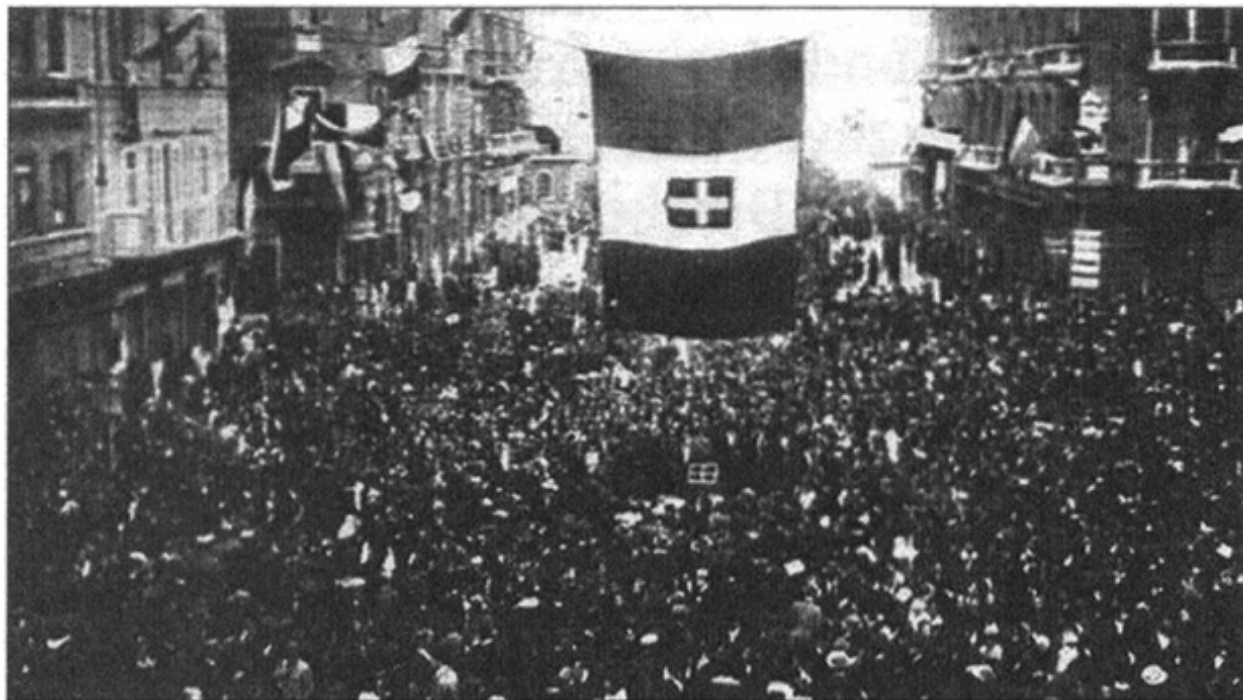
Устами двух третей своего населения, которые были итальянского происхождения? Они бросили на улицу знамя, когда итальянские силы поддержания порядка по приказанию оккупантов-союзников должны были покинуть город. «Вы не растопчете наше знамя! Гренадеры, не оставляйте нас в руках хорватов», кричали они.

Однако решающим было недовольство Италии результатами переговоров союзников после войны. Вильсон с той стороны Большого Пруда как раз погрузил свои пальцы в дымящиеся руины Европы, воскликнул «Эврика!» и предложил ошеломленному миру свой мирный план из четырнадцати пунктов. В припадке великодушия он пообещал нашей побитой стране несколько территорий в Далмации, также у северо-восточной границы. Но в позорных Парижских мирных договорах уже ничего нельзя было прочесть об этом. Естественно, мы чувствовали себя обманутыми. Обманом лишенными плодов победы, достигнутой тяжелыми жертвами.

Потому-то Д'Аннунцио тоже называл победу «изувеченной». Разочарованные массы встречали его с ликованием. Они ликovali еще больше, когда он говорил о «закрытой книге Фиуме», которую нужно раскрыть. Соглашусь, этот богатый портовый город воплощал власть на Адриатике. Было ли это плохо? Как вы видите, мы отправились туда не ради грабежа. «Fiume italiana» было просто делом чести. События во время «Священного вступления» в послеполуденные часы 12 сентября – я никогда не забуду этой даты – свидетельствовали о нашей правоте. Не раздалось ни единого выстрела. Люди толпились на улице, на балконах, свисали как грозди со всех окон. «Вива Италия!» кричали они. «Вива Д'Аннунцио! Вы – наш дуче!»⁷ При этом самого Д'Аннунцио нигде не было видно. Видели только «Фиат», который приходилось со всех сторон защищать от восторженной толпы. Каким-то образом им все-таки удалось добраться до двор-

⁷ Дуче – «вождь».

ца губернатора и спрятать окруженного восторгом за защитными цепями солдат из «Черного пламени». Между тем он был уже объявлен губернатором Фиуме.

Жители Фиуме с бурным восторгом приветствуют Габриэле Д'Аннунцио во время его вступления в город в 1919 году.

Час пробил в семь вечера. «Команданте» не спеша вышел на балкон и в первый раз показался многотысячной толпе, плотно окружавшей правительственный дворец на протяжении уже нескольких часов. Широкая площадь наполнялась сильным возбуждением; крики «Виват!» и «Ура!» отражались от стен. Я никогда прежде не видел его живьем. Он только выныривал из черной печатной краски «Il Popolo» или «Vedetta d'Italia»⁸, обрамляемый восторженными крупными заголовками. Не это было ли причиной того, что я был немного разочарован? Продолжавшаяся много недель пропаганда создала в моей голове образ красивого, высокого и блистательного человека. Тот, кто стоял здесь, был полной противоположностью этому воображаемому образу. Маленький, старый и лысый, он, казалось, явно чувствовал себя не в своей тарелке. Черная роскошная форма, вместо того, чтобы возвысить его, скорее усиливала впечатление, что все было на размер слишком большим для него; даже на несколько размеров слишком большим. Кроме того, он держался плохо; его тело немного шаталось, две руки в белых перчатках как бы наощупь искали опору на балюстраде.

⁸ «Народ» и «Сторожевая вышка Италии» – националистические издания.

Тут, вероятно, подействовал его жар, а также тот своеобразный метод, которым он лечил его. Недолго оставалось в тайне, что Д'Аннунцио от случая к случаю нюхал кокаин, даже принимал маленькие дозы стрихнина. Эта его личная беда тотчас же была написана на знамени Фиуме; конечно, там были и свои внутренние обстоятельства. Д'Аннунцио, безмолвно и пошатываясь, стоял на балконе.

Хрупкая кукла. Его голова поднялась, веки казались только наполовину открытыми. Странно, но пока он стоял так, бесконечно длинное мгновение, мне показалось, я даже буквально почувствовал, как он глубоко всасывает в себя весь тот аромат почитания, который непрерывными облаками поднимался к нему. Прямо на глазах его хилое тело выпрямлялось, набираясь сил, на бледном лице появлялся румянец, придавая ему четкий контур и выражение.

Затем он легко поднял руку, и толпа умолкла. Его голос энергично зазвучал над широкой площадью.

- Я здесь, ессе homo. Здесь я. Я пришел, чтобы подарить вам мою личность. Я прошу только о праве быть гражданином этого города жизни. В этом глупом и трусливом мире Фиуме сегодня – символ свободы.

Это была первая речь с балкона губернаторского дворца. Ликование толпы было неопишваемым. Уже можно было услышать резкий свист Бога бури, который дико и зловеще промчался сквозь души. В течение следующих недель ему предстояло вырвать нас из всех убежищ, бросить в изрыгающие пламя пропасти перереживания, и превратить Фиуме в ракету, которая круто взлетая в ночной небосвод, забыла силу притяжения земли, чтобы в искрометном опьянении своей уединенности написать на небе преисполненное восторга, никогда более не повторившееся героическое произведение. В насмешку и вопреки всем боязливо прячущимся по углам духам, всей нравственности и разуму.

20 сентября, через одну неделю после вступления в город, Д'Аннунцио устроил большой праздник. Главным его событием были мощные военные парады, среди участников которых можно было видеть «Gigli Rossi», «Красные лилии», элитное подразделение из Сардинии. Муссолини сообщил прессе наполовину одобрительно, наполовину осуждающе: «Мужчины в Фиуме, а не в Риме». Для воинов из всей Италии это должно было стать стимулом, даже долгом – поспешить в город восстания. Армия, во всяком случае, резко увеличилась.

Только к ночи праздники достигали своего апогея. В свете факельного шествия собирались «Черные рубашки», самые дерзкие из дерзких, хлебом насущным для которых была одна лишь борьба. С вызывающей ухмылкой они демонстри-

ровали свои сверкающие кинжалы. На широком ремне у них висели дубинка и бутылка с рициновым маслом; это было частью их обмундирования. «Плевать мне на это», так звучал их девиз. «Ардити» собирались, группировались вокруг балкона правительственного дворца и посылали Д'Аннунцио «римский салют». Потом из хриплых глоток вырывалось хоровое пение, усиливалось, достигая неба, устремляясь в увенчанную звездами бесконечность. Это действие захватывало настолько, что множество людей безудержно плакали. Также Д'Аннунцио казался глубоко взволнованным. Потом он нашел слова. Его голос спокойно звучал над площадью. Микрофон не был ему нужен.

- Вы, юные львы! – начал он. – Пан еще не умер! Огонь живет! – Вы – огонь! Вы – сила! Вы – красота!

В воодушевлении, которое охватило и его самого, он восхвалял собравшихся перед ним как новую расу свободных людей, как бастион против варварства мира. Также его слова коснулись и стоявших в некотором отдалении «Красных лилий»: – Цветите и горите!

Он имел в виду нас всех.

- Защищайте красоту, защищайте мечту, которая в вас, – кричал он нам. – Вам нечего терять. То, что есть теперь, это гниль, – это смерть, это против жизни. Что еще может подарить вам радость? Станьте победителями.

Галлюцинирующей словарной силой он заклинал идеал античности. Италия – это мать красоты и латинское возрождение происходит здесь, в Фиуме, среди нас, говорил он.

Тогда я еще не все мог понимать. Для меня Фиуме был великолепным приключением, похожим на летние каникулы, которые я проводил в диких горах Аbruццо у своего дяди.

Я был возбужден, так как все здесь были возбуждены, потому что сама атмосфера, казалось, была оплодотворена возбуждением. Однако я не был растроган. И потому важный источник, из которого питала себя страсть, оставался для меня закрытым. Что происходило в людях, которые как бы трясаясь от лихорадочного озноба, внимательно прислушивались к словам «Команданте», с восторженными, сияющими от слез глазами, и кричали «Вива Д'Аннунцио!»? Неужели это все же была магия, волшебство – маленький, лысый подполковник махал скрытой волшебной палочкой, которая давала ему силу, чтобы привлечь к себе самое сокровенное этих людей, самое пламенное, самое высокое в них? Такое впечатление создавалось само собой, и это действительно было хорошо.

Из них как-бы что-то вытаскивалось, можно было бы также сказать: освобождено. Что-то, что давно было засыпано, забыто, стало чуждым, нереальным, как мечта, которая только редко поднимала кверху свое бледное, израненное лицо.

И теперь это вырвалось наружу. Как хищник из клетки, как огонь из мертвого, затухающего шлака. И захватывающим образом их потрясло то, что именно они были этим хищником, что они были этим огнем, а не застывшей, искривленной от страха и бессилия оболочкой, к которой их приучили, и которая сейчас слетела с них как смешной пепел. Да, они снова почувствовали себя. Почувствовали себя большими, простыми и сильными вплоть до подземных корней их бытия, где покоятся силы, вечные страсти, которые не спрашивают о правилах и приличиях и с кипящей правдой крови насмеваются над разумом. И так же как кровь стремится к крови, как огонь стремится навстречу сквозняку, так и они, теснясь, стремились к тому, кто освобождает их, кто снова подарил им самим себе, и кто, со своей стороны, оказался в жаждущем блаженства опьянении вместе с теми силами, которые он сам и высвободил.

Я еще и сегодня вижу его перед собой: бледное солдатское лицо с твердо сжатыми губами, стеклянный глаз, раскаленно врезанный в лед; как это лицо волновалось вместе с другими лицами, на которых горел огонь, это восторженное выражение, цветы, хоры, кинжалы, резкие призывы, движение когорт, мясо, зажаренное на вертеле над костром. Да, они были пиратами, разбойниками, возродившимися героями в бреду своей силы; силы, которая была готова штурмовать небо, так же как нестись с дубинками и рициновым маслом по улицам, буйствовать, грабить и насиловать. Сначала они довольствовались тем, что заставили дни и ночи танцевать. Естественно, этот вихрь стал сенсацией. Пресса всего мира очень интересовалась странной ситуацией в Фиуме.

Много любопытных, прежде всего из Англии и Соединенных Штатов, с удивлением рассказывали о городе, который был занят только торжествами, о «празднике огней и цветов». Эти сторонние наблюдатели всегда напоминали мне посетителей зоопарка, которые суют свой жаждущий острых ощущений нос в клетки к хищникам. Но, вероятно, они перепутали перспективу и сами сидели за решетками, в то время как мы действовали на форуме свободы? Тогда нам казалось, как будто бы вся мировая история затаила дыхание. Все, все было возможно, это чувство проникло в нас до самых глубин.

- Небо пусто, – объявил Д'Аннунцио, – ничто больше не сможет населить его, кроме ваших поступков!

Тут уже можно было бы немного потерять голову, не так ли? К преимуществам нашего только что основанного города-государства – самого либерального, которое когда-либо существовало в истории – уже вскоре относилась и свободная любовь. Супружеское право действовало здесь только лишь ограниченно, если действовало вообще.

Здесь, прежде всего, нужно упомянуть Via 17 Novembri – улицу 17 ноября. Широкая торговая улица служила местом прогулок и рассыпала самые утонченные цветы женственности Фиуме. Здесь было представлено все – от маленькой служанки или продавщицы из лавки и загорелой крестьянской девушки до почтенной мещанки. В воздушной одежде, покачивая бедрами, и с улыбающимися взглядами женщины гордо вышагивали по улице вверх и вниз. В дополнение к этому играл оркестр, и солдатам и офицерам представился случай созерцать плоть, которая заставила бы поблекнуть до жалкого убожества роскошные витрины Чинкветти, торговца гастрономией. До самой поздней ночи мерцали огни из всех окон, шумела полная эротики улица, воздух был до предела насыщен ухаживаниями и преданностью. Отбросить все ограничения, браконьерствовать, кутить, расточительствовать, распылять накопившуюся силу – таким был лозунг людей, которые, будучи столь долго скованными, попали в водоворот свободы. Течение легко могло бы захватить их с собой, унося в глотку той чувственности, которая от жадности пожирает своих собственных детей.

И мы действительно постоянно качались у края пропасти – если бы сеть солдатской дисциплины не подчинила бы себе наши разгоряченные тела, не выковала на кузнечных горнах духа видение и тем самым не подняла бы нас над самими собой. По крайней мере, в первые месяцы...

Говорят, мол, это фашизм изобрел миф масс. И спешат добавить: с помощью продуманного пропагандистского аппарата, который превращал людей в марионеток. Не говоря уже о том, что позорное ремесло влияния на массы практиковалось, несомненно, еще древнеримскими народными трибунами, у типично фашистской пропаганды был один абсолютно ясный образец: Фиуме. Все, что устраивалось позже, уже существовало здесь в сжатом виде. Д'Аннунцио оформлял свою политику с таким избытком символов, ритуалов, лозунгов и образов, что его подражатели почти без разбора могли хватать оттуда все, чтобы придать своему движению необходимый размах. Вот только несколько примеров.

Чернорубашечники впервые получили свою единообразную форму одежды здесь в Фиуме. Они выступали тут в брюках до колен, носили фески с кисточками, и на груди их рубашек красовался череп с костями как символ их власти над жизнью и смертью. Их боевой клич «Eja, eja, alalá» тоже родился здесь. У

Д'Аннунцио был орел с широко распростертыми крыльями, а также ликторский пучок (фасция) с торчащим из него топором, знак власти римских консулов, и то и другое эмблемы, которые позже стали символами фашизма. Наряду с этим было еще много других символов, которые не были усвоены или только частично были усвоены фашизмом и потому оказались забыты. В Фиуме они все расцветали, беззаботно, расточительно и, все же, как составная часть добросовестно инсценированной, абсолютно новой политики. И здесь мы подошли к самому главному моменту. Сегодня с «мифом массы» обращаются как с чем-то презренным, преступным, так как он якобы изнасиловал людей. Ну, ладно.

Сегодня есть «масса без мифа», тупо и безнадежно дрейфующий человеческий материал, не знающий никакого более высокого предназначения. Разве это лучше? Я хочу вам сказать, что задумал этот поэт, автор «Laudi». Как никто другой он страдал от этого столетия: от техники, от масс, от господства голых чисел, от удушающего количества. Ужасно безобразным казался ему этот железный век, который втискивает жизнь людей в неподвижные, окостеневшие формы, оковывает их, окружает подобно каналу, который не терпит никаких отклонений, никаких взлетов и тем самым уничтожает цветок, дух, стиль, даже надежду погребает в серой тине своей трусости.

Д'Аннунцио был убежден, что только красота спасет мир; он сам считал себя посланником красоты и подчинял свою политику этому требованию. Он не был фантазером. Он очень хорошо знал, что в бушевании цивилизации нельзя вернуться к созерцательному спокойствию в духе Руссо. Время должно было выздороветь само по себе. Его адский жар нужно было раздуть, пока не треснут неподвижные, бездыханные формы, окаменевшие корки механического духа и наружу сможет вырваться новая, динамичная жизнь.

Вот поэтому «массовое», «тоталитарное» в Фиуме доводилось до предела и преодолеvalo его. Демонстрации, парады, собрания, церемонии – все они никак не хотели заканчиваться. Их целью было дать пролиться на тела из точки кипения ее многочленной, ненасытной, безликой анонимности горячему дыханию красоты; красоты, которая открывала, воодушевляла и освобождала для творческого деяния. Я знаю, это звучит достаточно абстрактно и непонятно. Я и сам могу рассказывать об этом только с помощью неуклюжих, беспомощных описаний. Это чудо нужно было пережить самому. Например, на площади перед дворцом губернатора, подобная атриуму закрытость которой придавала импозантную структуру спектаклям проходящих парадом «Красных лилий», входящих и уходящих чернорубашечников, колышущихся волн игры цветов, фигур и форм. Однажды я из окна фасада одного из домов смог наблюдать за декорациями такого спектакля. Я был взволнован. Кипящее, напирющее море, древнейшее лоно плодородия, усиливалось в могущественных кругах и течениях,

которые в гармонии с пением превращались в захватывающие дух образцы, растворяли их, изменяли, преобразовывали во все новые вариации великолепной симфонии. Я сразу почувствовал: здесь что-то дышало, что-то жило, здесь билось сердце живого организма.

Когда я оглядываюсь назад, мне кажется, что ликующие хоры из Девятой симфонии Бетховена: «Обнимитесь, миллионы» на мгновение стали реальностью.

То, что я испытывал, можно обобщить единственным, трезвым словом: общность.

Я испытывал общность. То, что там стоял человек, который виртуозно размахивал своей дирижерской палочкой, никак не мешало этому положению вещей.

Как каждый выдающийся художник он был в самом глубоком смысле акушером. Он только освобождал, манил на свет, не нечто мертвое, а творение, которое жило, которое требовало для себя самостоятельного существования.

Посмотрите на великие произведения искусства в живописи, скульптуре и музыке. Их тайна – красота. То неподражаемое выражение, которое скрывает в себе динамику жизни и тем самым вырывается за рамки художественного произведения, проникает в наши души, которые волшебным образом становятся взволнованными и тронутыми. Красота всегда экспрессионистская, волнующая, увлекающая. Как только она непосредственно сталкивается с людьми, она сама превращает их в произведение искусства! И вы можете мне поверить, что в Фиуме никто не оставался в стороне.

Здесь не было пассивных зрителей, мы все принимали участие в формировании происходящего. Не как безвольные рабы какой-то демагогии, а как люди, которые хотели закончить творение, которое возникло в них и между ними: выкарабкаться из зыбучих песков буржуазного «превращения в цифры», перейти из анонимной «общественности» к освобожденной, избранной общности.

Ветеран прервался, чтобы опустошить свой бокал сока. Мне представился случай прервать своим замечанием его патетический поток слов, отсутствие чувства дистанции которого пугало меня.

- Собрания в Фиуме были, конечно, очень внушительны, – сказал я, – но после Гитлера мне кажется очень опасным наслаждаться эмоциями масс и следовать за вождем.

- Д'Аннунцио не был Гитлером, – констатировал мой собеседник и добавил: – Я считаю столь же опасным гасить любую воспламеняющую искру дубиной фашизма. Д'Аннунцио думал, что именно сегодня нужно кое-чем рисковать, что больше не было альтернативы крайнему риску. Он даже считал, что путь, который закончился бы «хаосом и ночью», мог бы быть оправдан. Это была «героическая точка зрения», которую немногие поняли бы. Если бы я дал ему время, он еще раз разъяснил бы ее.

Так как я с нетерпением ожидал продолжения истории Фиуме – ей суждено было закончиться трагически – мне не хотелось спорить со стариком. После небольшой паузы я снова предоставил ему слово.

- Ладно. Я пытался разъяснить вам идею эстетической политики. Сегодня вы не найдете ее ни в одном правительственном проекте.

Теперь вернемся к Д'Аннунцио. Этот человек был феноменом. Уже одно только его неутомимое усердие, неистощимая жажда деятельности заслуживали восхищения. Ежедневные большие выступления, речи, политические дела, интервью, ночные праздники, а к этому еще и любовные похождения, спорт и любимые занятия занимали его круглые сутки. Говорили, что он спит только два часа. Каждое утро он принимал всех людей из местного населения, которые хотели поговорить с ним. Была масса проблем. Приемная правительственного дворца часто пустела только совсем близко к полудню. После этого Д'Аннунцио проводил совещание со своими семью министрами.

Наряду с преобразованием своего маленького государства его занимало прежде всего расширение операции Фиуме на побережье Адриатики. Муссолини хотел поддержать этот план, но, если не считать пожертвований, не предоставил никакой конкретной помощи.

Перед произнесением своих речей «Команданте» снова искал соприкосновения с жителями Фиуме. Он просто смешивался с народом на улице, в сопровождении личной охраны из солдат или атлетически сложенных юношей. Молодежь была тем источником, из которого он черпал силу. Вам стоило бы увидеть его, как он в своей черной форме и блестящих высоких сапогах, с моноклом в глазу, семенил перед эскортом. Он производил впечатление хрупкой статуэтки, и все же: в его упругой, гибкой манере, в гордой позе изящной головы крылась крепкая солдатская дисциплина. Рядом с ним или в паре шагов перед ним обычно пританцовывали две или три борзых собаки. Это отдельная история.

У Д'Аннунцио была дюжина этих животных, которых он любил как своих детей и которые последовали за ним в Фиуме. Они жили в перестроенном доме садов-

ника за дворцом губернатора, и он лично самым тщательным образом заботился о них. Они слушались только его, и если кто-то другой приносил им пищу, они заболевали. Д'Аннунцио был привязан к этой породе, в которой почти магическим образом соединились «грация змеи с ужасом лесного кота».

Больше всего, однако, он любил своего спаниеля по кличке Тели-Тели, который никогда не слушался. Рассказывали, что Д'Аннунцио, мол, умеет разговаривать с ним, и что он хотел бы издать дневник своих бесед с Тели-Тели. Также он обладал обширными медицинскими знаниями, он заботился о собаках и даже мог оперировать их. Ну, довольно об этом.

«Команданте» любил для прогулок спускаться в старую часть города, где он бродил по узким переулкам, заглядывал в слабо освещенные мастерские, здоровался с кузнецами, сапожниками и швеями. Или он поворачивался в сторону берега, шел на крытый рынок и рыбный рынок, которые возникли на рубеже веков на искусственно насыпанном участке территории.

Вскоре после того, как мы захватили Фиуме, рынок быстро разросся настолько, что вышел за пределы здания и распространился на близлежащий пустырь. Теперь не только торговцы и крестьяне, но также портные, сапожники, скорняки и щеточники предлагали здесь на продажу свой товар. Уже на рассвете подкатывались нагруженные с горой повозки, на проселочной дороге можно было видеть колеблющиеся ряды крестьянских девушек, которые несли в город у себя на головах корзинки, полные фиалок, гвоздик, фруктов и овощей.

Сюда доставляли обильный урожай из всех садов вокруг Фиуме, яблоки, груши, черешни и вишни, крыжовник, смородина, бананы волнами перекачивались в море ящиков и корзинок. Рядом с ними складировались овощи. Можно было видеть мясников в окровавленных халатах, разделяющих горы мяса. Мычали коровы, блеяли овцы, в широких бочках трепыхались карпы, щуки и голавли. И всюду кишели деятельные домашние хозяйки, которые смешивали свою громкую болтовню с шумным бушеванием рынка и беспристрастным взглядом выбирали лучшие куски.

Почтовая марка из Фиуме с профилем Габриэле Д'Аннунцио. Латинская фраза «Hic manebimus optime» была передана потомству римским историком Титом Ливием и означала: «Здесь останемся мы, самые лучшие».

Вечером, когда был распродан уже и плохой товар, рынок выглядел как оципаный скелет. Утром на нем снова появлялась упругая плоть. Это было тем более удивительно, что базарные дни были уже не только в субботу, но целую неделю. Да, наши чернорубашечники и легионеры заботились о бурном обороте. Вы должны представить себе, что в каждой семье были размещены по двое или трое молодых парней. Они, конечно, ели много. Естественно, они платили за еду, но многие жители Фиуме рассматривали даже как свою честь то, что они могли побаловать их. К этому добавлялся непрекращающийся поток любопытных и симпатизирующих, которые биваком стояли вокруг города.

Когда Д'Аннунцио появлялся со своими провожатыми, он действовал как магнит, который в самое короткое время объединял людей вокруг себя, и за ним тянулся постоянно растущий хвост. Его телохранители старались проложить ему дорогу и отстранять слишком назойливых почитателей, особенно женщин. При всем том он охотно останавливался, чтобы пожимать руки, давать автографы или поднять ребенка под ликование толпы. Прочие подарки, такие как цветы, письма, драгоценности и ключи от входной двери отвергались. Только если он шел по рынку, он иногда признавал исключения. Каждая торговка считала себя счастливой, если могла предложить ему самые сладкие из своих виноградных гроздей. Д'Аннунцио был гурманом еще и в другом аспекте. Когда он обнаруживал где-нибудь за корзинками, окнами или в темных коридорах какую-нибудь юную красотку, то давал знак одному из своих доверенных знакомых, который быстро улаживал дело. Еще в тот же вечер избранную, большей частью молодое, робкое существо, секретно провожали в правительственный дворец. Женщины не возражали ему в этом. Этот пожилой маленький мужчина был не только идолом, но и эротическим центром Фиуме. Бесчисленные изящные ножки проходили через зал командования в «Святая святых». «Женщины», как однажды написал Д'Аннунцио, «это сила природы, вечная как свет, трава, деревья, торопливые ручьи, как цветы и птицы, которые всегда новы и всегда одинаковы». И «Команданте» любил природу с францисканским усердием.

Зимой 1919 года у нас возникли первые проблемы со снабжением. Летний урожай был быстро израсходован, к этому добавилось то, что работали только лишь нерегулярно. В Фиуме праздновали больше, чем когда-либо. В течение дня улицы дрожали от глухих шагов марширующих колонн, их песни и боевые кличи под бурей знамен эхом отражались от стен. Ночью вспыхивали пожары диких пиршеств. Перевес солдатского очаровал и гражданских, захватил их пылающим потоком героизма и дерзости, который затопил город подобно лаве. Солдаты – не скряги. Они кутят напропалую, так как уже завтра черт может забрать их в преисподнюю. Ничто не отталкивает их больше, чем мелочная нерешительность и боязливые оговорки. Даже коммерсанты не были в этом исклю-

чением. Они все больше производили только по собственному желанию и в зависимости от настроения. Случалось, что у пекарей за опущенными жалюзи плесневел хлеб, так как они, ослабев от ночных кутежей, спали целый день. Никто не обижался на них за это. Фиуме принадлежал всем, и если не было хлеба, то ели картошку, а если не было и картошки, то уж точно в кладовой можно было найти еще рис.

Уже становилось ощутимым триумфальное безразличие по отношению к вопросам жизненной необходимости, которому позже, достигнув одурманивающего настроения конца света, суждено было окутать город завесой античного драматизма.

Ухудшению нашего положения способствовало решение Муссолини остановить финансовую помощь, которая исходила от акций по сбору пожертвований в его газете. Результат выборов 16 ноября 1919 года разочаровал фашистов, и потому Муссолини предпочел оздоровить свою партию вместо того, чтобы укреплять фронт националистов. Во всяком случае в Фиуме на это отреагировали болезненно. Я помню, что раздавались оскорбительные возгласы в адрес Рима, и Д'Аннунцио полемизировал против «Тыквенной головы со лживым ртом». Замораживание какой-либо поддержки казалось нам изменой отечеству, ударом кинжала в спину, нанесенным мещанами, которые теперь признали, что злоупотребили нами, настоящими героями, на шахматной доске своих эгоистичных расчетов. Теперь мы были только лишь балластом, почти неприятной помехой, и в скором будущем нам довелось почувствовать это еще гораздо более отчетливо.

Д'Аннунцио сразу же отреагировал на это своим «бегством вперед». Если Рим и Адриатика были потеряны для националистов, то как раз они и должны были завоевать мир. Подобно сети с расходящимися во все стороны от центра лучами, из Фиуме завязывались контакты с националистическими силами во всех странах мира: в Ирландии, Бельгии, Франции, в Турции и Армении, в Египте, Хорватии, Албании, Испании.

Идея состояла в том, чтобы основать Лигу Фиуме и сделать из «фиуменизма» базу для борьбы за независимость народов. Угнетенные народы нужно было призвать восстать и освободить себя. С сербскими меньшинствами заключались договоры и союзы против Югославии. Это было видение нового мирового порядка, возрождения народов в силе и красоте, которое политически реализовывалось здесь в Фиуме. Чего нам не хватало, так это военной силы. Мы никогда не смогли бы, например, материально поддержать сербскую революцию против Югославии.

Это было словно жало в теле, которое иногда вызывает боль.

Мы были осуждены на то, чтобы дать миру спектакль, грандиозный, вероятно, гротескный, однако, мы не могли переделать мир. «Населите небо вашими поступками» – призывал нас Д'Аннунцио. Это торжественное воззвание скрывало залог ужасного бессилия, которое все жестче проникало в наше сознание.

Мы действовали в безвоздушном помещении, как отчаянные летчики, которые выписывают в небе свои фигуры высшего пилотажа, фанатично, дерзко, но без эха над ужасным миром глетчера, который неподвижно пристально всматривается вверх из своих расщелин и темных пропастей.

Мы были призванными и потерянными, пути назад больше не было. Можно было видеть знак в том, что никто не покидал Фиуме. Город был давно переполнен, но в него все еще прибывали солдаты, легионеры, авантюристы, восторженные, любопытные. И все они оставались, прочно закреплялись здесь, зарывались в землю, гнездились в бараках и палатках, часто с самыми жуткими лишениями. Но они оставались. Город как возлюбленная заключал каждого в свои объятия, одновременно сплавлял его с другими в верный клятве отряд. Фиуме был островом в океане, ковчегом, странным биотопом, который возникает на отдаленных рифах и горах, убежищем, жители которого, удалившись из его атмосферы, должны были бы замерзнуть или засохнуть. Должны ли мы были смириться с обычным миром? И мог ли сам мир вынести нас, пиратов, мятежников, разрушителей, которые выбросили свои сердца к новым берегам?

Д'Аннунцио еще больше подстегивал наше возбуждение.

- Кому принадлежит Фиуме? – кричал он со своего балкона.

- Нам, – кричали массы.

- Кому принадлежит Италия? Кому сила? Кому красота?

- Нам, нам, – кричали тысячи.

Его речи становились все более жестокими, образы все более драматичными. Он называл Фиуме городом-мучеником, городом жизни, Холокостом, он сравнивал его с Коринфом в ожидании Страшного Суда. И народ Фиуме праздновал, днями и ночами, без перерыва.

Там, где люди или группы попадают в состояние безнадежной изоляции, они должны принять решение: либо они под давлением врагов или даже только хо-

лода сломаются, сдадутся, перебегут к противнику, то есть, каким-либо способом испарятся – или же выдержат и достигнут кристаллической твердости, сплавятся в такие формы, которые воплощают внутреннюю правду, отвращенную от всего временного.

В таких случаях жизнь приобретает неизвестную обычно яркость и прозрачность. Привычные, повседневные дела освещаются особенной честью, более высокой степенью. У людей появляется такое чувство, будто они совершают нечто последнее и окончательное.

В отрыве от естественных потребностей жизни, отделившись от трусости и искривлений, которые обычно определяют ее, их действия часто приобретают культовую чистоту; улыбка вечности уже лежит над ними. Всемирная история, этот фурункулез из человеческой глупости и низости, не особо балует нас такими зрелищами. Впрочем, бывают такие моменты, которые сконцентрировались до яркой образности. Я думаю о французских дворянах, о том, как они негибимо шагали вперед, в своем полном парадном облачении к гильотине и таким образом даже в момент своей гибели выражали этим свое превосходство. Никаких переговоров, никакой изворотливости: с такими людьми не говорят. Баста! Вот наша шея. Тем самым они были героями в самом глубоком смысле этого слова.

Бороться, выступать за какую-либо цель, в крайнем случае, жертвовать жизнью, это все, конечно, похвально, но это еще не самое последнее. Только на позиции, отрезанной от своих, на забытом посту, когда цели тонут, когда всякое действие утрачивает надежду, только тогда завершается формирование героя: если он при всем этом все же действует так, как будто ничего не было, спокойно направив свой взгляд в пропасть. То, что нужно делать, не всегда объясняется в форме мотивов. Иногда нужно быть готовым сделать что-то, даже если вы уверены, что потерпите поражение.

Тогда нужно заступить на пост подобный Полярной звезде, которая остается неподвижной, когда все вращается вокруг нее.

Насколько определенно в Фиуме героическое в абсолютном, можно было бы сказать: в трагическом смысле имело особое значение, настолько же, несомненно, в его тени также развивались людские недостатки, разрушительные явления. Одна крайность тянет за собой другую. Было бы нечестно это игнорировать. Я не хочу умалчивать, мой юный друг, о том, что со временем у нас начались скверные дела. Все больше наркотиков текло через город, прежде всего, кокаин, с помощью которого летчики на войне боролись со сном и со страхом, пользовался большой популярностью. Это провоцировало некоторые

эксцессы, мелкие «молодецкие забавы», которые уже не имели ничего общего с героизмом. Удушливый жар, жажда новых, одурманивающих приключений как темная туча собирались над дрожащими, загнанными в загон массаами. Чашу жизни нужно было испить до конца, но на ее дне, однако, таились призраки от- вращения, скорби и свинцового безразличия. Так как сам город ничего больше не производил, наше положение со снабжением становилось все хаотичнее. Начинался дефицит всего, в первую очередь основных пищевых продуктов. Со- чувствующие еле-еле снабжали нас. Так мы попали в руки Красного креста.

Утром, в полдень и вечером приезжали санитары с полевыми кухнями, потому что они думали, что воины воспользуются их состраданием. Ну да, некоторые ослабевали, но большинство направлялось в деревни для «захвата крестьян- ских земель». Феллахи вовсе не так уж и сильно сокрушались, когда в их села внезапно вторгалась орда солдат, скручивала шеи их курам и забирала припасы из-под их толстых задниц. Потому что эти хитрецы теперь скрывали все, так как они хотели извлечь выгоду из нужды и боялись, что их объедят до полной бед- ности. Если бы они совсем рехнулись, то их дочери, которые кормились так же хорошо, как и их коровы, тоже должны были бы поверить в это. Также купцы, которые доверяли свои товары морю, вынуждены были смириться с ущербом.

Фиуме традиционно был посредническим портом, через который венгры вели морскую торговлю. Потому кое-какие из стоявших в гавани судов становились существенно легче.

Когда порт приобрел дурную славу, «Ардити» на парусных яликах сами выхо- дили в море и захватывали все торговые суда. К таким ценностям как ткани, шкуры, пряности в большинстве случаев вовсе не притрагивались, мы ведь не были лавочниками. Гораздо важнее были бочки с водкой, ромом или солониной. Тот, кто не хотел их отдавать, разумеется, терял все. Капитана привязывали к мачте и накачивали рицином, пока он не лишался сил. Тех, кто сопротивлялся, сталкивали за борт с помощью надежной «mangallo», дубинки. За спиной уби- равшихся прочь с торжествующими криками мародеров в небо вздымалось море огня. Тот, кто выдерживал этот суд, самое позднее вечером добирался до бере- га на своей спасательной шлюпке или вцепившись в обломки судна, и несколь- ко позже оказывался у одного из костров, которые освещали береговую полосу подобно гирлянде. После обязательной круговой чарки его торжественно и с почетом принимали в круг фиумцев. Еще на одного отчаянного человека боль- ше.

Никогда еще «легионеры» не маршировали более смело, никогда еще фанфары не звучали с более серебряной силой, чем в отблеске огней города, который пожирал сам себя.

С силой пророка Д'Аннунцио заклинал античные культы мистерий, восстанавливал древние ритуалы и посвящения, которые почитали богов и богинь, пробуждая их к жизни в самом тесном пространстве гнетущей жизни.

На площади перед дворцом губернатора появился памятник из белого мрамора. Его идущие по кругу ступени вели к полости, в которой горел огонь римской Весты, который никогда не должен был погаснуть. Согласно традиции к этому огню должны были присоединиться еще тридцать огней тридцати «gentes», но Д'Аннунцио, вероятно, посчитал, что пожаров тут и так предостаточно, потому он остановился на семи алтарях, которые, мерцая, украшали ратушную площадь, и были поставлены в честь богов планет и предусмотрены для проведения церемонии посвящения.

В соответствии с этим сценарием устраивались праздники, которые никто не мог забыть. Каждый, кто отличился, поднимался до соответствующей богам степени, с которой он мог постепенно подниматься еще выше. Руководимые жрецами церемонии затягивали в магические пропасти переживания, разрывали границы пространства и времени.

Рукопожатие над горящим алтарем; намазывание рук медом для очищения – вода была запрещена; провозглашенные «supernomina» как слова творения в захватывающей тишине:

- Sol invictus, Phoebus, Heliodorus, viva, viva, да живет он!

Каждая степень требовала своих собственных, точно расписанных ритуалов празднования, а также и испытаний.

Тот, кто хотел быть посвященным в «miles», воина, должен был завоевать находящийся под защитой венок. Доступ к этому венку преграждал человек, державший в руке меч. Проходивший обряд должен был отобрать у него меч и венок. Служитель мистерии в белом одеянии надевал венок на голову (в большинстве случаев победившего) посвящаемого. Однако тот должен был снова снять его, провозглашая при этом: «Фиуме – вот мой венок!»

При львином посвящении проходившие обряд посвящения в масках львов проходили мимо жреца и клали к его ногам дары: «Прими любезно, святой отец, сжигающих ладан львов, через которых мы жертвуем ладан, через который мы также пожираем сами себя».

Гелиодром, в свою очередь, должен был с факелом привести жреца Солнца на праздничный пир, к быку, которого он сам украл (Ромул и Рем тоже крали скот

у соседей). После этого он должен был с факелом в руке проехаться верхом на быке и только если ему удавалось сделать круг, он мог принять участие в трапезе.

Вы, нынешние люди, наверняка скажете, что мы сбежали в мир иллюзий. Ваш прагматичный дух подкрепляет вашу правоту. То, чем занимался «Команданте», уж точно не было реальной политикой. Пожалуй, каждый уже знал, что корабль Фиуме тонет. Он был потерян уже тогда, когда мы только вступили на сцену мировых процессов. Озадаченные этим забавным вторжением, режиссеры разрешили бурлеск, в их глазах все это было ничем большим, нежели комедией, в которой Д'Аннунцио играл самого пошлого, самого низкопробного из всех героев.

Д'Аннунцио, напротив, вовсе не был настолько наивен, как можно было бы подумать. Испытывая отвращение к движущим силам нашего времени, которые так же не подходили для героизации, как бегемот для полета, он использовал свой шанс, чтобы поставить знак. Развивать идею было важнее, чем поступать в соответствии с реальностью. И, видите ли, этот спектакль еще сверкал ярко и прекрасно, даже с усилившимся сиянием, когда его кулисы уже сгорали.

Бронзовая статуя богини победы, установленная в саду Приория в посвященной музам резиденции Д'Аннунцио Витториале в Гардоне-Ривьера.

В мгновения отрезвления, между двумя любовными опьянениями, когда подходил к концу коньяк, или, когда в вонючих переулках, спотыкаясь, приходилось карабкаться через горы мусора, пожалуй, кое-кто спрашивал себя, не зашли ли мы слишком далеко.

И сомневающиеся глаза поднимались к Д'Аннунцио. Но никакой останавливающей руки не было. Я думаю, что мы своими заклинаниями, как раз во время праздников мистерий, вызвали такие силы, которые как стихийные силы природы с шумом проносились над нами прочь.

В грохоте волн можно было увидеть, как появляется лысая голова «маэстро», с впалыми щеками, видели его дрожащие руки, когда они прикрепляли роскошные ордена, почти без разбора, к груди героев.

Как должен был именно он, тот, жажда возбуждения и приключений которого достигла вакхических масштабов, как должен был этот венец чрезмерности остановить чрезмерное? Как лихорадочные падения захлестывали друг друга его декламации, призывы, посвящения для героев и богов, и торжественные, наполненные символами похороны, которые оставляли после себя аромат увядших роз.

Он все еще был Гарибальди, провозвестником, новым мессией. Да, как раз во время падения его нимб настоятельно требовал последнего, наивысшего завершения. В бедных домах старой части города женщины убрали иконы. Маленькие свечи горели перед изображением Габриэле Д'Аннунцио.

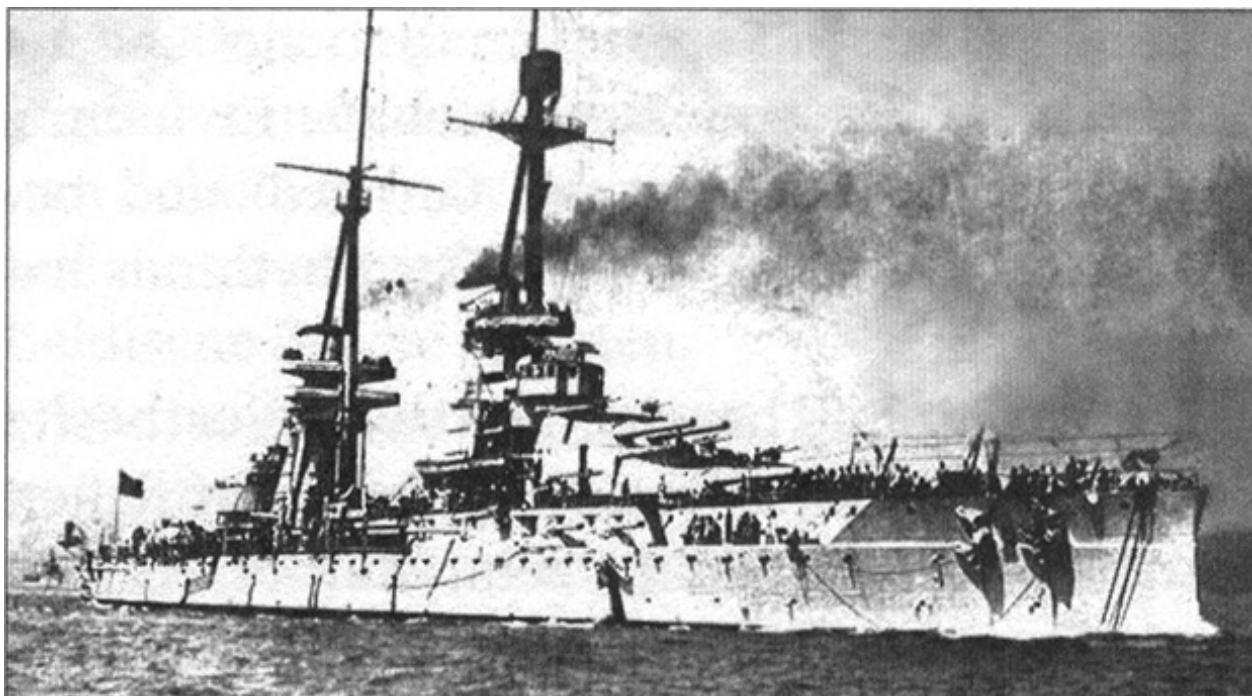
Когда грабежей, убийств, нападений и изнасилований стало слишком много, в дело вступил военный трибунал. Казалось, как будто «Команданте» теперь хотел круто повернуть руль. 8 сентября 1920 года он провозгласил конституцию, регентство. Он назвал ее: «Reggenza italiana del Carnaro»⁹ и заметил: – Это одиннадцатисложный стих. Ритм всегда прав.

Конституция называла частную собственность одной из самых полезных общественных функций и хотела ввести десять гильдий. Десятая гильдия, весьма мистическая, должна была в ратуше с помощью вечного света, перед надписью «Забота без заботы», воплощать одухотворенную форму человеческой работы.

Новой, более строго организованной попытке испробовать революционное видение под идеалистическо-поэтическом одеянии массовой политики даровано было лишь короткое будущее. Итальянское правительство видело в Фиуме одну

⁹ «Итальянское регентство Карнаро».

лишь большую помеху, досадную неприятность, защищать и представлять которую перед союзниками оно тоже больше не желало. Независимо от Д'Аннунцио итальянское правительство вело переговоры с хорватами и словенцами. 12 ноября 1920 года дошло до подписания Рапалльского соглашения. Истрия передавалась Италии, Фиуме должен был стать «вольным городом».

Линкор «Андреа Дориа» обстрелял адриатический город Фиуме с моря и вынудил его жителей сдаться.

Ввиду этой ситуации Д'Аннунцио пытался принудить Муссолини к немедленному военному вмешательству. Муссолини лавировал, обещал помощь, однако одновременно с этим соглашался с Рапалльским договором и обещал итальянскому правительству свою поддержку. Когда Сенат окончательно подписал договор 17 декабря, на следующий день Д'Аннунцио был поставлен ультиматум: он должен был немедленно оставить город.

Д'Аннунцио остался.

Он не мог поверить, что итальянские войска подняли оружие против него и населения Фиуме. 24 декабря итальянские регулярные войска подошли к городу. 26 декабря у берегов Фиуме появился линкор «Андреа Дориа», направил свои пушки на правительственный дворец и выстрелил. Снаряд попал в студию Д'Аннунцио, гренадер, который находился рядом с ним, погиб, Д'Аннунцио унесли.

Население Фиуме защищалось. Солдаты, легионеры, «Ардити» и гражданские лица храбро сражались против превосходивших их по численности правительственных войск. 31 декабря сопротивлявшиеся сдались. Д'Аннунцио объявил о своей согласии с отставкой. Прежде чем покинуть город, он произнес свою последнюю речь перед гробами погибших: – Мы бросаем сегодня ночью траурный клич «alalá» над убитым городом.

Вот и всё. Я благодарю вас, молодой человек... за Ваше терпение...

Рассказчик отвернулся и украдкой дотронулся до глаз своим носовым платком. Я молчал. Потом я спросил: – А что сделали с Д'Аннунцио?

- Его не повесили и не посадили в тюрьму; ему разрешили вернуться на его виллу «Казетта Ресса» в Венеции. Там он прожил еще много лет как заслуженный и почитаемый литературный патриот, в избранной им самим изоляции, в утомленном диалоге с музами и обрывками своих воспоминаний. К немногочисленным гостям принадлежал его закадычный друг Муссолини, который время от времени оказывал ему маленькие услуги.

Старик немного покашлял, посмотрел через перила террасы бара вниз на город, на который спускался вечер, с зажигающимися огнями и шумным облаком от движения в час пик.

- Стало прохладно. Теперь мне пора идти.

Он поднялся и печально протянул мне руку. Затем он еще раз бросил взгляд на город, и при этом тело его выпрямилось: – Фиуме не умирает.

Глоссарий

«Андреа Дориа» – итальянский линкор, названный именем генуэзского адмирала и князя Мельфи Андреа Дориа (1466-1560). Основное вооружение – три башни с тремя и две башни с двумя 305-мм пушками, а также шестнадцать 152-мм и девятнадцать 76-мм пушек.

Arditi, «Ардити», «Отважные» – наименование партизанского отряда, с которым Д'Аннунцио в 1919 году захватил Фиуме.

Bersaglieri, «Берсальеры» – род пехоты в итальянской армии.

Comandante, «Команданте», буквально «командир», «командующий», «предводитель» – почетное звание Д'Аннунцио.

Д'Аннунцио, Габриэле (1863-1938) – итальянский писатель, солдат и художник, как политик соперник Муссолини; как патриот выступил против Версальского договора (1919) и впоследствии (1919-1920) с отрядом «Ардити» захватил город Фиуме, где во время его правления проявилось много характерных черт, которые в будущем стали типичными для более позднего фашизма и других авторитарных движений.

Duce, «Дуче», «вождь», собственно, «Duce del Fascismo», «Вождь фашизма» – почетное звание Муссолини.

«Il Popolo d'Italia», «Народ Италии», – название итальянской политической ежедневной газеты, которая была основана в 1914 году Бенито Муссолини; после прихода фашистов к власти в 1922 году она стала официальным органом Национально-фашистской партии. С одним перерывом она выходила до 1945 года.

«Laudi», буквально «гимны, хвалебные песни», собственно, «Laudi del cielo, del mare, della terra e degli eroi» («Хвалебные песни небу, морю, земле и героям») – многотомное произведение Д'Аннунцио, написанное им в 1903-1904 годах.

Муссолини, Бенито (1883-1945) – итальянский политик, с 1922 по 1943 годы премьер-министр Италии и глава итальянского государства. Первоначально придерживался левой ориентации, но после того, как в 1914 году его вытеснили из редакции социалистической газеты «Avanti» («Вперед»), Муссолини занял более националистическую, а во время Первой мировой войны (1914-18), кроме того, решительно антигерманскую позицию. В начале 1919 года им были основаны «Fasci italiani di combattimento» («Итальянские боевые союзы»), а также Национально-фашистская партия. Вследствие Марша на Рим (1922) итальян-

ский король поручил Муссолини формирование правительства. Муссолини оставался в должности премьер-министра до 1943 года, позже он на короткий срок еще раз смог вернуться к власти. В 1945 году он и несколько министров его правительства были убиты коммунистическими партизанами, и их опозоренные трупы были выставлены на всеобщее обозрение.

Чернорубашечники, «черные рубашки» – название членов итальянских (фашистских) боевых союзов после Первой мировой войны.

Vittoria mutilata, «изувеченная победа» – выражение Д'Аннунцио.

Дополнения:

«Поэт-воин» у власти: книга Оливера Риттера «Фиуме или смерть»

Нильс Вегнер, сайт «Синий нарцисс», 2010 г.

Прошел уже почти девяносто один год с того момента, как итальянский писатель и националист Габриэле Д'Аннунцио со своим партизанским отрядом «Arditi» («Отважные») молниеносно захватил доставшийся после Первой мировой войны Югославии портовый город Фиуме (югославское название Риека). Он основывал в нем продлившееся 15 месяцев господство милитаризма, необузданности и политической эстетики.

Пробуждение памяти о прошлом с помощью вымышленного диалога

И вот в городе Киле в издательстве «Regin» вышло второе издание книги Оливера Риттера «Фиуме или смерть», которая впервые была опубликована в 2004 году. Риттер изучал теологию, чтобы вслед за этим отправиться в путешествия по всей Европе и разыскивать мифические изображения, вроде Святого Грааля. Риттер, находящийся уже с ранних лет под влиянием произведений итальянского культурного философа и мистика Юлиуса Эволы, является теперь писателем и художником. Основное внимание в его произведениях обращено на «перенос в настоящее» исторических процессов, благодаря которому он с помощью очень интимных способов знакомит с этими процессами сегодняшнего и плохо знакомого с материалом читателя.

Потому книга *«Фиуме или смерть»* написана Риттером в форме долгого диалога, в ходе которого один из «старых борцов» Д'Аннунцио на террасе бара, возвышающегося над бывшим Фиуме, рассказывает вымышленному автору историю захвата города. Он подробно и ярко описывает национальное возбуждение как захватчиков, так и захваченных, которые после конца Первой мировой войны и Версальского договора не хотели довольствоваться *«Vittoria mutilata»*, «изувеченной победой». Без сопротивления войска Д'Аннунцио вступают в Фиуме. После успешного взятия города под свой контроль он немедленно приступает к созданию господства воинственной эстетики.

С оружием и женщинами в борьбе за красоту

С ежедневными армейскими парадами, патетическими речами в фантастических мундирах и необузданными ночными пиршествами *«Comandante»* поощряет своих соратников и горожан Фиуме к тому, чтобы они вырвались из безликой анонимности модерна. Вместо этого они под идеалом красоты должны слиться с общностью. Как писатель литературной эпохи *fin de siecle* Д'Аннунцио по причине одного только своего художественного предрасположения стремился воспротивиться деиндивидуализации и подчинению одиночки промышленной эпохи. Неудивительно, что более поздние, названные затем «фашистскими» движения по всей Европе воспользовались именно теми декорациями, которые «поэт-воин» изобрел в Фиуме.

Не впечатленный слишком современными возражениями фиктивного автора (*«После Гитлера мне кажется очень опасным наслаждаться эмоциями масс и следовать за вождем!»*) ветеран в книге продолжает рассказывать о процессах, происходивших в портовом городе во время правления Д'Аннунцио: через несколько месяцев после первоначально огромного взлета в экономике и общественном сосуществовании ситуация меняется. Еще не пришедший в то время к власти Бенито Муссолини прекращает финансовую поддержку своего политического соперника.

Упрямо и ожесточенно Д'Аннунцио и его верные соратники противостоят возрастающему давлению из Рима, выносят мучительный голод и возрастающее моральное разложение среди солдат. Наконец, им приходится капитулировать ввиду непосредственной военной угрозы со стороны итальянских войск и спустить флаг независимого Фиуме. Старик заканчивает свою историю описанием последних часов в погибающем городе и с твердыми словами *«Фиуме не умирает!»* протягивает вымышленному автору руку, оставляя как автора, так и его читателей наедине с их мыслями.

Книга, чтобы насладиться «вкусом крови»

История Риттера, которую он сам классифицирует как новеллу, – это художественная проза и не претендует на то, чтобы восприниматься как научное историческое исследование. Тем не менее, маленький томик с его 60 страницами сразу завораживает читателя своей яркой силой слов и привлекательной формой. Когда вы после чтения отложите эту книгу, у вас возникнет не только любопытство к другому произведению Риттера, тоже вышедшему в издательстве Регин – *Один день из жизни Юлиуса Эволы*. Любознательность заставит после этого детальнее заинтересоваться событиями 1919-1920 годов в Фиуме и ознакомиться с многогранными процессами тех пятнадцати месяцев.

Источник: <http://www.blauenarzisse.de/>

Николай Степанович Гумилёв

ОДА Д'Аннунцио

К его выступлению в Генуе.

Опять волчица на столбе
Рычит в огне багряных светов...
Судьба Италии – в судьбе
Её торжественных поэтов.

Был Августов высокий век,
И золотые строки были:
Спокойней величавых рек
С ней разговаривал Вергилий.

Был век печали; и тогда,
Как враг в её стучался двери,
Бежал от мирного труда
Изгнанник бледный, Алигьери.

Униженная до конца,
Страна, веселием объята,
Короновала мертвеца
В короновании Торквата.

И в дни прекраснейшей войны,
Которой кланяюсь я земно,

К которой завистью полны
И Александр и Агамемнон,

Когда всё лучшее, что в нас
Таилось скупое и суровое,
Вся сила духа, доблесть рас,
Свои разрушило оковы —

Слова: «Встаёт великий Рим,
Берите ружья, дети горя...»
— Грозней громов; внимая им,
Толпа взволнованнее моря.

А море синей пеленой
Легло вокруг, как мощь и слава
Италии, как щит святой
Её стариннейшего права.

А горы стынют в небесах,
Загадочны и незнакомы,
Там зреют молнии в лесах,
Там чутко притаились громы.

И, конь встающий на дыбы,
Народ поверил в правду света,
Вручая страшные судьбы
Рукам изнеженным поэта.

И всё поют, поют стихи
О том, что вольные народы
Живут, как образы стихий,
Ветра, и пламени, и воды.

1915

Из сборника «Колчан». Опубл.: «Бирж. вед.», утр. вып. 1915, 12 мая, без подзаг. Источник: Н. Гумилев. Колчан. – Пг.: Гиперборей, 1916. – С. 92—94

Стихотворение является откликом на публичное выступление Д'Аннунцио 5 мая 1915 г. (в день памяти о начале похода «тысячи» Дж. Гарибальди, 1860) на о. Кварто близ Генуи. Описание митинга и текст см.: Речь Д'Аннунцио // «Бирж.

вед.», утр. вып. 1915, 7 мая. Темой речи Д'Аннунцио была необходимость вступления Италии в войну против Германии.

Сергей Яшин

Габриэле Д'Аннунцио под знаком фасций

Нам, живущим среди руин, даже трудно представить себе фигуру, подобную Габриэле Д'Аннунцио. Потомок древнего аристократического рода, возвестивший грядущее величие Рима, он жил почти в наше время, одновременно возвышаясь над ним – через свою непричастность к ветшающему миру. Похоже, что некоторые Божественные архетипы воплотились в его личности. Родившись на корабле «Igea», среди Адриатического моря, Г. Д'Аннунцио впитал в себя его роскошную стихию. Дыхание родной земли, великолепие Аbruцких гор составляет живое полотно его творчества. Культ Красоты античного героизма и сверхчеловеческого триумфа провозглашает себя во всех его произведениях. Не только поэт, но и бесстрашный летчик, руководитель националистических боевых формирований, единоличный диктатор захваченного им города Фьяуме, фактический вдохновитель похода на Рим – Д'Аннунцио не знал противоречий между своей жизнью и искусством. Читая его произведения создается впечатление, что среди поверженных статуй, разбитых ваз, развалин античных храмов находишь великолепный клинок. Все существо тогда наполняется чем-то знакомым и поневоле радуешься, что рука еще не разучилась держать оружие.

О Г. Д'Аннунцио – литераторе и политическом деятеле – написано достаточно. О Г. Д'Аннунцио – метафизике, пророке грядущего возрождения не сказано практически ничего.

Вместе с тем все его творчество – величайшее метафизическое послание.

В своем романе «Девы Скал» Г. Д'Аннунцио говорит о Конце Цикла, констатирует степень глубокого разложения. «Каким может быть наше послание? – вопрошает он устами лишенных власти патрициев. – Должны ли мы обманывать время и самих себя, стараясь поддерживать слабую надежду среди увядших воспоминаний, под сводами запечатленными кровавой мифологией и слишком обширными для нашего короткого дыхания? Или мы должны признать великий догмат 89 года, открыть портики наших княжеских дворов для толпы народа, украсить фонариками наши каменные балконы в дни государственных праздников, стать компаньонами банкиров...»

В мире, в котором утрачено абсолютно все, нивелированы все ценности, где сама реальность подверглась насилию со стороны взбесившейся черни, единственным законом истинного аристократа останется закон Силы. «Верьте только в Силу, – убеждает Д'Аннунцио. – Сила – это первый закон Природы, закон ненарушимый и неопределимый.»

Фактически задолго до Ю. Эвола Г. Д'Аннунцио определил принцип «оседлания тигра», аристократической победы над властью Циклов. Однако, одержать подобную победу под силу только Герою. Как известно, Герои не рождаются бессмертными, а становятся таковыми только после победы над хтоническими тварями, обретая статус существа, соединенного с Богом. В мир тотальной Богооставленности начинается вторжение новых «богов» этот факт является воистину метафизическим прецедентом, учитывая к примеру сравнение с Божеством носителей имперской власти.

Тема инициатического триумфа становится основным лейтмотивом творчества Д'Аннунцио. Во имя безудержной воли к экспансии окончательно порывает с миром «слишком человеческого» герой драмы «Сильнее любви» Каррадо Брандо. Убив карточного шулера, чтобы добыть денег на очередную колониальную экспедицию, он замечает, что «жизнь этого человека не стоила жизни волка, потому что волчья порода с каждым днем редет на земном шаре, а порода таких людей, погрязших в мерзостях, все множится, заражая собой все, к чему они прикасаются».

Поэт Стелио Эфрена, герой романа «Пламя», чьим прототипом является сам Г Д'Аннунцио, уже в начале произведения одерживает победу над толпой.»... Толпа, замолкшая, выжидающая, показалась ему огромной, многоликой химерой с грудью, покрытой блестящей чешуей; она, чернея, уединилась под сводами неба, пышного и тяжелого, словно свисающее сверху сокровище».

Наконец, символом окончательного триумфа становится фигура Паоло Тарсиса из романа «Может быть да, может быть нет». Воплощение идеала латинской расы, он становится предзнаменованием ослепительного и прекрасного Будущего. В образе Паола перед нами предстает могучий авиатор – нечто совершенно сверхчеловеческое, некий агрессивный синтез человека и машины. «Его воинственная воля, привыкшая управлять материей и властвовать над нею, проникла бесстрашно за такие пределы, где казалось, она потеряет силу; и он знал то, что не могут выразить уста, то, что не могут изъяснить глаза.» Д'Аннунцио, похоже, вызывает тень Икара, но Икара, одержавшего победу, взмывшего на стальных крыльях к горизонтам расовой сакральности. В соревновании авиаторов угадывается возрождение древних мистерий. «Новый аппарат, казалось, возвышал человека над роком и не только давал ему небывалую власть, но да-

же наделял его шестым чувством. Как молниеносная колесница, сотканная из огня и железа, победила пространство и время, так создание Дедалово к этим победам присоединило победу над силой тяжести. Один за другим рушились законы Природы. Алмазный взор дерзаний смело впивался в темную маску таинственного. Гений соревнования приводил борцов до края самых глубоких обрывов...».

С темой героического начала у Г. Д'Аннунцио связана тема сверхчеловеческой эротики. Беспредельная воля к наслаждению выше обветшалых норм морали, она стоит по ту сторону добра и зла. Она совершенно противоположна современному, профаническому пониманию сексуальности. Эротика в произведениях Д'Аннунцио лишена любых сантиментов. В этой сфере царит вечная война полов, беспощадный поединок, в котором победа является апофеозом высшего наслаждения.

«Ты, конечно, – любовь, – рассуждает Паоло Тарсис, – потому что ты питаешься и вырастаешь из самой моей пламенной жизни, потому что я не могу поразить тебя, не пролив своей собственной крови через твои раны, потому что ты ближе моему существу. Чем я сам, и когда я думаю, что схватил тебя и отодвинул, чтобы лучше взглянуть на тебя, я чувствую, что ты на старом месте и еще сильнее льнешь ко мне и мучишь меня. Тем не менее я смотрю на тебя; и ни разу моему ружью не приходилось целиться в более опасного зверя».

Торжество мужского, солнечного начала над женским, лунным, является исходной точкой традиционно понимаемой эротики. Г. Д'Аннунцио фактически воплощает подобное понимание в своем искусстве.

Трагическая актриса Фоскарина, героиня романа «Пламя» смиряется перед глубиной мужского духа поэта Стелио Эфрена. Тарсис в сверхчеловеческом полете торжествует над хтоническим эротизмом своей обезумевшей возлюбленной. Сильвия Сеталла из драмы «Джоконда», приносит в жертву собственные руки на алтарь творчества своего мужа.

«Ах, я был бы достоин обладать тобою среди резни, на ложе огня, под крылом смерти!» – восклицает герой романа «Девы Скал», чувствуя пробуждение древнего инстинкта.

Д'Аннунцио претит любая слабость, любое страдание отталкивает его, внушая отвращение. Слабость – признак деградации, расовой испорченности. Отвратительно то, что не служит утверждению Силы.

Творчество Д'Аннунцио – утверждение арийской Красоты, сверхчеловеческой экспансии, законов аристократической крови и генетического превосходства. Ошибочно считать произведения этого латинского гения эстетическим реликтом. Все его книги – руководство к действию. Программы, требующие прямого воплощения.

В романе «Девы Скал» Г. Д'Аннунцио пересказывает замечательную историю Геродота о том, как скифы, вернувшись с войны нашли своих женщин, отдавшихся рабам. Потомство, родившееся от этих связей обратилось с оружием против возвратившихся. Когда скифы поняли, что не могут одержать победу силой оружия, один из них, самый разумный обратился к своим соратникам с речью: «Скифы, сражаясь против своих врагов мы ослабляем себя постоянными трудами, а убивая их мы только сокращаем число наших будущих рабов. Поэтому я думаю, что надо сложить копья и стрелы, и каждый из нас должен взять кнут со своего седла и выступить с ним против этих людей. Ибо видя нас до сих пор идущих с оружием, они, вероятно, сочли себя равными нам и сыновьями равных нам; но, увидев вместо оружия в наших руках кнут, они сразу почувствуют, что они рабы, и, сознав свое положение, они не смогут больше сопротивляться нам».

Выслушав эту речь, скифы последовали совету. Их противники, пораженные ужасом при виде кнутов, перестали сражаться и обратились в бегство.

Не случайно в этом же романе Клаудио Кантельмо, герой, воплощающий идею аристократического превосходства, утверждает, что «ценность Крови признается не только нашей гордостью патрициев, это признает даже самая строгая из наук».

В условиях эстетического распада, расовой деградации, всеобщего упадка книги Г. Д'Аннунцио приобретают особую тональность. Они подобны очистительной грозе, свежему ветру, чистому дыханию арийской весны. Они залог того, что руки мятежников вернуться к цепям, а руки господ вскинутся в древнем приветствии, обращенном к нашему восходящему солнцу.

Три жизни Габриэле Д'Аннунцио

1

Вот как описывал самого себя (слегка прикрывшись для приличия масками героев) итальянский поэт, прозаик и драматург Габриэле Д'Аннунцио (1863—1938):

Достигнув осуществления в своей личности тесного слияния искусства и жизни, он открыл на дне своей души источник неиссякаемой гармонии. Он достиг способности непрерывно поддерживать в своем уме таинственное состояние, рождающее произведение красоты, и мгновенно преобразовать в идеальные образы мимолетные впечатления своей богатой жизни.

Обладая необычайным даром слова, он умел мгновенно передавать самые неуловимые оттенки ощущений с такой рельефностью и точностью, что иногда только что выраженные им мысли, теряя свою субъективность благодаря удивительному свойству стиля, казались уже не принадлежащими ему... Все слушавшие его в первый раз испытывали двойственное впечатление – восторга и отвращения... («Пламя»).

Яркая и незаурядная фигура Д'Аннунцио в конце прошлого и начале нынешнего века сияла звездой первой величины на интеллектуальном небосклоне Европы. Его романами зачитывалась культурная элита (в том числе и русская), пьесы его не сходили с театральных подмостков, и трудно найти писателя той эпохи, на которого эстетика и поэтика Д'Аннунцио не оказали влияния.

В период между двумя мировыми войнами значение Д'Аннунцио начинает убывать (хотя остается еще достаточно сильным для того, чтобы итальянские футуристы, с трудом скрывая раздражение, озаглавили один из своих манифестов «Боги умирают, а Д'Аннунцио все еще жив»), а после падения фашизма почти и сходит на нет.

Однако в последнее время об *Il Poeta* (именно так, с большой буквы и с определенным артиклем именовали его в расцвете славы – честь, которую до того оказывали в итальянской культуре исключительно Данте) снова пишутся статьи и монографии. И дело здесь не столько в художественных достоинствах его творчества, которое во многом принадлежит своему времени, сколько в человеческой его судьбе, в прожитой поэтом активной и насыщенной жизни неугомонно-

го новатора, донжуана, скандалиста, солдата и авантюриста. В этой жизни отразилась суматошная эпоха, породившая век, с которым мы вот-вот навсегда расстанемся.

Не будет преувеличением сказать даже, что это была не одна, а целых три жизни – так богаты событиями были прожитые поэтом долгие семьдесят пять лет.

2

Отец Габриэле Д'Аннунцио происходил из богатой и родовитой семьи Рапаньетта-Д'Аннунцио, которая жила в одном из самых провинциальных уголков тогдашней Италии – городе Пескара в Абруццах. Древний этот город, основанный еще в античности, за свою историю не раз переходил из рук в руки. Каждая смена власти сопровождалась кровопролитием, поскольку абруццезцы отличались упрямым и своевольным характером и воинственным нравом. Крестьяне и моряки, они были набожны и суеверны, внимательны на родовую месть, для которой бурная история края давала немало поводов. Волны различных культур, прокатившиеся по этой земле, оставили на ней обильный слой преданий и легенд, в которых языческое причудливо смешалось с христианским, латинское – с германским.

Но ко времени рождения Д'Аннунцио все эти бури были далеко позади и город мирно спал на задворках только что объединившейся Италии. Прошлое сохранилось только в устном фольклоре да давало о себе знать внезапными вспышками вражды между родами и общинами – такими, как древнее соперничество Пескары и стоявшего на другом берегу реки Кастелламаре. В дни церковных праздников горожане со статуей своего святого покровителя направлялись к мосту через реку, где их уже поджидали жители города-соперника с палками и камнями в руках.

(Интересно, что именно Д'Аннунцио почти спустя полвека одержал окончательную победу над кастелламарцами, упросив Муссолини упразднить ненавистный город и сделать его районом родной Пескары.)

В этом заповеднике средневековья, каким была тогда – а в некоторой степени осталась и по сей день – Южная Италия, и появился на свет поэт.

Позже, создавая себе романтизированную биографию в духе то ли Светониевой «Жизни двенадцати цезарей», то ли новелл о знаменитых авантюристах Возрождения, Д'Аннунцио утверждал, что событие это произошло на борту бригаантины «Ирена» во время шторма. Но на самом деле появился на свет он при вполне прозаичных обстоятельствах – на суше, в родительском доме.

Социальные барьеры для южных людей не менее существенны, чем для северных, но на юге они часто не имеют столь зримого выражения. Поэтому детство Д'Аннунцио было детством обычного средиземноморского мальчика – ярким, вольным, богатым впечатлениями от общения с самыми разномастными представителями рода человеческого. Родственники и друзья семьи – люди, как правило, не бедные и знатные – не исчерпывали круг знакомств юного Габриэле. Никто не препятствовал ему водиться и с уличным людом – старым нищим Паскио, бывшим моряком и даже пиратом, или живописным городским сумасшедшим по прозвищу Цинциннат. Было еще много других, не менее причудливых персонажей, которые русскому читателю не могут не напомнить босяков молодого Горького (большого, кстати, поклонника таланта Д'Аннунцио). От них мальчик набрался историй и рассказней, богатого запаса которых ему хватило на всю писательскую жизнь.

Дома свирепый и жадный до чувственных удовольствий отец («Он ел как Полифем и спал как Полифем», – уже на склоне лет вспоминал о нем знаменитый сын) и тихая, заботливая мать с лицом святой дополняли это собрание типов, которые так и просятся на маньеристское полотно, где все кажется преувеличенным и гротескным – жесты, позы, чувства.

С ранних лет пристрастие к риторике и театральности вошло в плоть и кровь Габриэле и определило его будущий литературный стиль. И стиль жизни тоже. Забегая вперед, надо сказать, что именно эти качества делают произведения Д'Аннунцио (особенно драматические) такими тяжелыми для современного читателя, тем более неитальянца. Невероятные страсти героев, неправдоподобный накал эмоций кажутся порой бредом, родившимся в декадентской опиумокурильне. Но если попытаться войти в мир чрезвычайно впечатлительного ребенка, погрузить себя в атмосферу увиденного его ребенка барочного храма, где Христос натуралистично корчится в муках, а святые застыли в позах, напоминающих не столько классический балет, сколько современный брейк-данс, и плачут кровавыми слезами, весь этот нечеловеческий, почти смехотворный трагизм становится понятным. То, что для парижской богемы позднее казалось манящей экзотикой, для Д'Аннунцио было просто воспоминаниями детства.

В десять лет Габриэле впервые испытал чувство, которое позже назвал «*spasimo dell'orrore*» (нечто вроде «сладкого трепета ужаса»). Способностью испытывать именно такой «*spasimo*» он чрезвычайно гордился всю жизнь, всячески ее культивировал и развивал. Случилось это так: мальчик полез на крышу своего дома, чтобы снять с нее ласточкино гнездо, но упал и сильно повредил себе руку. Вид хлынувшей из раны крови вызвал у подростка сильнейшее сладострастное возбуждение. Впрочем, дело было, очевидно, во врожденной психической аномалии, а несчастный случай просто разбудил дремавший ре-

флекс. С педантичностью, достойной де Сада или Захер-Мазоха, Д'Аннунцио запечатлевал это свое пристрастие на страницах многих книг. Отрубленные руки, стигматы, кровавые раны кочуют из одного романа в другой, из пьесы в пьесу с навязчивым постоянством. Как и образ мученичества святого Себастьяна, с которым писатель впоследствии начал себя отождествлять. Это и неудивительно: по воспоминаниям многочисленных подруг поэта, «игра в святого Себастьяна» была излюбленным эротическим развлечением Д'Аннунцио. Где бы Габриэле ни жил, там всегда имелись специально предназначенные для этой цели колонна или столб. Но это было гораздо позднее, а пока одиннадцатилетнего Д'Аннунцио отдают в привилегированный колледж Чиконьини.

Какие бы бури ни бушевали в душе мальчика, держать себя в руках он умел. Учителя и соученики вспоминали его как сдержанного, весьма способного ученика, неизменно заканчивавшего класс с отличными отметками, но при этом – юного денди, самого элегантного среди мальчиков, тратившего на духи, перчатки и шарфы почти все присылаемые из дома деньги.

В четырнадцать лет тем не менее успеваемость, а вместе с ней и дисциплина пошатнулись: как это обычно бывает – под воздействием первой влюбленности и проснувшегося интереса к поэзии. Первую любовь звали Клеменца Кокколини: Д'Аннунцио познакомился с ней во Флоренции на каникулах, в семье друзей отца. Вскоре произошла знаменательная история, впоследствии пересказанная взрослым писателем в литературной форме. Юная парочка отправилась в Этрусский музей, где в пустом зале надолго задержалась перед бронзовой статуей химеры.

С юношеской бравадой Д'Аннунцио засунул руку в страшную пасть чудовища и поцарапался (вполне возможно, нарочно) об острые клыки фантастической твари. Возбужденный видом собственной крови, Габриэле набросился на бедную девушку и больно укусил ее в губы. Восторг, испытанный им при этом, стал основой для будущей жизненной программы: никогда больше он ни в чем не откажет себе, будет потворствовать своим инстинктам, какими бы низменными они ни казались.

(Впрочем, несмотря на все эти романтические концепции, девственность он теряет на следующий год самым заурядным для католического мальчика образом: старший приятель заводит его в паскудный флорентийский бордель.)

Пыл ранних любовных переживаний, обильное чтение античных авторов и современных итальянских поэтов приносят поэтические плоды: в шестнадцать лет Д'Аннунцио завершает первый сборник стихотворений и при финансовой поддержке отца издает его тиражом в пятьсот экземпляров. Переполненный гордо-

стью, дебютант дарит и рассылает книжечку всем своим знакомым, в том числе и ректору колледжа.

Здесь его ждет, впрочем, горькое разочарование. Дело в том, что сквозь общие места и патетические штампы позднего итальянского романтизма в духе Кардуччи слишком явно проглядывает необузданный темперамент. Все эти «эфирные перси, на которых проходит вся ночь» и «варварская похоть поцелуев» настораживают педагогов. Собирается административный совет, и дело идет к исключению, но юный талантливый шалопай, в общем-то, симпатичен всем и посему отделяется строгим предупреждением. Резонанс за стенами учебного заведения, однако, вскоре залечивает раны его честолюбия: во всех литературных обозрениях пишут о новом таланте – большинство критиков восхваляют его, хотя кое-кто, понятно, и поругивает.

Д'Аннунцио полон планов: стихи пишутся легко. Не проходит и года, как у него уже готова большая поэтическая книга – «Новая песнь». Она издается как вполне серьезный труд в авторитетном издательстве, но честолюбивому Д'Аннунцио мало уже существующего внимания публики. Он затевает рекламный трюк вполне в духе современной поп-звезды: в день появления книги в продаже одна флорентийская газета получает телеграмму от неизвестного лица. В ней рассказывается о трагической гибели юного поэта во время катания на лошади. Книга мгновенно раскупается, в то время как автор книги и телеграммы (это, конечно же, сам Д'Аннунцио) жив и здоров. Он даже не удосужился предупредить о мистификации родителей, которые сразу поверили в известие.

Так или иначе, внезапно свалившаяся слава и первый в череде многих и многих скандал, а также многочисленные любовные увлечения не мешают Габриэле окончить с отличием колледж и поступить в Римский университет на отделение литературы и филологии.

(Что касается увлечений: с самого начала вполне в духе романтической поэзии Д'Аннунцио заводит привычку давать всем объектам своей страсти вымышленные имена; выбор имени при этом подчиняется строгой и сложной системе. Некоторые имена давались дважды или трижды – разным особам, в зависимости от сложной игры ассоциаций и правил классификации, размахом своим напоминающей какую-нибудь систему Линнея. В старости Д'Аннунцио отведет под архивы и картотеку собственных любовных приключений – несколько тысяч досье – целую комнату на своей вилле «Витториале».)

К 1881 году Рим был столицей Италии всего только десять лет: сонный во времена папского государства, город превратился в котел, переполненный политиками, аферистами, предпринимателями и артистической богемой. В этот ко-

тел, где кипели страсти, и окунулся юный «дикарь из Абруцц», как его окрестили в литературной среде. Д'Аннунцио быстро сходится со столичной элитой, триумфально переиздает все свои написанные к тому времени поэтические книги, а также первый сборник рассказов и с удовольствием отдается журналистике. Он пишет сразу для нескольких изданий, в основном для разделов светской хроники, в духе скандального, провокационного, на грани фола, с цинизмом и нахальным юмором, которые нашему современному читателю напомнили бы нечто из московской бульварной прессы новейшего времени. Пишутся и стихи: в римский период Д'Аннунцио перестает сдерживать свою тягу к претенциозно эротическим темам. Содержание очень часто носит откровенно автобиографический характер, поэтому публикация почти каждой его новой элегии или канцонны заканчивается небольшим скандалом, а иногда – и дуэлью.

В Риме Д'Аннунцио, освободившись от опеки родителей и учителей, наконец получает возможность создать собственный стиль жизни, которому не изменяет на протяжении последующих тридцати лет: сонм порхающих вокруг прелестных созданий, квартиры, заставленные цветами, античными статуями и безделушками, заваленные чудовищными собраниями гобеленов и кружев, пропахшие куреньями и дорогими сортами табака, простыни, пропитанные ароматическими эссенциями, – помесь быта индийского махараджи и фантазий провинциального эстета. Об этом красноречиво говорит опись имущества, составленная как-то раз кредиторами: «Арфа в замшевом чехле, клыки дикого кабана, позолоченная статуэтка Антиноя, алтарные дверцы, два японских фонарика, шкура белого оленя, двадцать два ковра, коллекция старинного оружия, расшитая бисером ширма...» – полный список составил бы пару страниц.

Позже приходит увлечение лошадьми и охотничьими собаками. И долги, бесконечно раскручивающаяся спираль долгов; деньги необходимы, чтобы субсидировать всю эту роскошь, поскольку литературные и журналистские заработки не в состоянии и на десять процентов прикрыть постоянно разрастающуюся финансовую брешь.

Конечно, приходится соблюдать и внешние условности: 28 июля 1883 года в возрасте двадцати лет Д'Аннунцио женится на молодой аристократке Марии ди Галлезе, в браке с которой он формально и прожил всю жизнь. Свадьба играется после бурного романа с бегством девушки от родителей, но Габриэле вскоре теряет интерес к Марии, получившей в его классификации сразу три поэтических имени – Йелла, Марайя и Мариоска. Лет через пять после свадьбы отношения с ди Галлезе полностью прекращаются, но она остается его законной супругой. Впрочем, за недолгую совместную жизнь Габриэле и Мария успевают произвести на свет троих детей.

Необузданный юный эстет вновь погружается в коловращение столичной жизни. Откровенное распутство поэта вскоре дает повод для едкого фельетона, напечатанного неким Карло Маньико в провинциальной газете «Абруцци». К несчастью, это именно та газета, которую читают родители Габриэле и его жена. Разозленный поэт вызывает коллегу по цеху на дуэль и терпит поражение. Д'Аннунцио ранен в голову. Вызванный врач обильно обработал рану модным тогда антисептиком – перхлоратом железа. Эскулап перестарался: от воздействия химиката Д'Аннунцио в двадцать три года становится совершенно лысым. В результате медицинской ошибки и создается образ поэта – такой, каким мы его видим на многочисленных портретах и фотографиях: маленький лысый мужчина с огромным носом и рыбьими глазами навывкат, глазами маньяка или гения.

В 1889 году, ко дню выхода первого романа Д'Аннунцио «Наслаждение», жизнь его выглядит вполне сложившейся, хотя и не во всем уютной: события в этой жизни повторяются с удивительным однообразием – за одним романтическим приключением следует другое, не менее романтическое (сперва художница Барбара Леони, затем неаполитанская аристократка графиня Гравина Ангуисола – от нее у Д'Аннунцио было еще двое детей в дополнение к трем законным, – затем великая итальянская актриса Элеонора Дузе). Каждое увлечение кончается трагическим разрывом. Потребность Д'Аннунцио в роскоши становится все больше и больше, долги же достигают астрономической величины.

И на фоне всех этих жизненных коллизий пишутся книги – одна за другой. Книжки, которые составили европейскую славу Д'Аннунцио: «Пескарские рассказы», «Джованни Эпископо», «Невинный», «Непобедимое» и еще многие другие, пьеса «Триумф смерти».

Проза и стихи пользуются неизменным успехом, пьесы чаще проваливаются. Впрочем, стилистически Д'Аннунцио неоднороден: если драмы его вполне попадают в русло исканий европейского декаданса рубежа веков, то проза, за редкими исключениями, близка к натурализму.

С начала 1890-х годов благодаря переводам начинается шумная популярность Д'Аннунцио во Франции, не без помощи верной подруги Элеоноры Дузе. Актриса энергично «продвигает» на европейской сцене зрелые пьесы Д'Аннунцио, такие, как «Мертвый город» и «Дочь Йорио», написанные Габриэле «под нее», хотя реакция публики и критиков весьма неоднозначна. К этому времени Д'Аннунцио большую часть времени проводит между Венецией и флорентийской виллой «Капончина», где «д'аннунцианский стиль» достигает своего наивысшего выражения во всем: в убранстве, в распорядке жизни, во вьющейся кругом свите слуг и поклонников. В этот период начинают возникать характерные ле-

генды о Д'Аннунцио: Жарро утверждал, что поэт пьет вино из черепа девственницы и носит туфли из человеческой кожи. Маринетти рассказывал, что каждое утро Д'Аннунцио купается в морском прибое нагой, верхом на коне, а на берегу его поджидает Дузе с пурпурной мантией в руках, чтобы накинуть ее на плечи Габриэле после купания. Тогда же впервые прозвучало словечко «д'аннунцианизмы» в приложении к подобным декадентским вывертам.

«Не отказывай себе ни в чем, потворствуй всем своим инстинктам». Это напоминает прозвучавшее полвека спустя из уст Алистера Кроули «Делай что хочешь – один закон». Но «сверхчеловеческое Я» Д'Аннунцио не заглядывало слишком глубоко в темные бездны; страсти его были, невзирая на громкие ницшеанские декларации, достаточно старомодны: женщины, роскошь и тщеславие южанина. Он мог претендовать на звание нового Петрарки или итальянского Вагнера (в смысле значения личности – музыки Д'Аннунцио не писал, хотя отлично играл на скрипке, трубе и фортепьяно), но напоминал больше всего пародию на просвещенного сеньора эпохи Ренессанса. «В сущности, он был человек простой, хотя и с опасными странностями, но вовсе не полубог, как считали его поклонницы», – подводил итог своим впечатлениям от общения с поэтом Ромен Роллан.

Честолюбие подвигло Д'Аннунцио в 1897 году баллотироваться в парламент от избирательной коллегии города Ортоны. Кандидат выступил с более чем эзотерической программой «политики красоты». «У нас больше нет времени для спокойного сна в тени лавров и миртов. Интеллектуалы, объединив свои силы, должны, исполнившись воинственного духа, выступить на стороне рассудка против варварских орд», – обращался поэт к избирателям.

Тем не менее он был избран. Став депутатом, «политик красоты», естественно, заседаниями откровенно манкировал. Чаше в это время его видели на собачьих бегах, которые стали еще одной его маниакальной страстью.

Начало нового века Д'Аннунцио встречал почти сорокалетним мужчиной. Жизненные обстоятельства его при этом были достаточно печальны: На новых выборах 1900 года депутат от Ортоны потерпел сокрушительное поражение, долгая любовная связь с Дузе закончилась (хотя более трагически для актрисы, чем для Габриэле; последняя стала, по словам одного биографа, «печальной и молчаливой жертвой его безмерного эгоизма»), долговая пропасть углубилась до двух миллионов тогдашних лир (поясним современному читателю: сумму эту можно было приравнять к стоимости пяти тонн серебра), а само имя Д'Аннунцио приобрело в Италии крайне одиозный оттенок. Этому способствовало многое: и скандальный образ жизни поэта, и путаные политические высказывания, коле-

бавшиеся в диапазоне от ультраправых до почти анархических, и становившийся все более манерным и «прециозным» язык его произведений.

И хотя многое из написанного им продолжало пользоваться популярностью, в том числе и из написанного совсем недавно (в особенности драма «Франческа да Римини», которая стала почти обязательной в репертуаре всех известных драматических театров начала века), внутреннее состояние Д'Аннунцио было неустойчивым. Длительные периоды эмоциональной депрессии и неуверенности в себе стали для него обычными в этот период жизни.

В 1908 году преследуемый кредиторами Д'Аннунцио пошел, в сущности, на мошенничество: некто Джованни Дель Гуццо, итальянский эмигрант, ставший миллионером в Аргентине, предложил организовать для поэта турне по Латинской Америке, в ходе которого Д'Аннунцио выступил бы с публичными лекциями. Под залог будущих прибылей Дель Гуццо взялся урегулировать проблему с долгами поэта. Гонорар предполагался огромный. Аванс Д'Аннунцио взял, но в Латинскую Америку не поехал. Сказав Дель Гуццо, что сперва должен подлечить зубы в Париже, Габриэле отправился во Францию. Вместо недели, обещанной Дель Гуццо, он провел там без малого семь лет.

Явление Д'Аннунцио в Париж было триумфальным. Во Франции он пользовался неизменной популярностью с начала 90-х годов, и популярность эта не была омрачена теми мелкими дрызгами и пересудами, которые окружали его фигуру на родине. Оставив бедного Дель Гуццо разбираться с латиноамериканским турне и ордой возмущенных кредиторов, Габриэле в компании с новой спутницей жизни, русской по происхождению, Наталией Кросс-Голубевой, окунулся в космополитическую жизнь довоенного Парижа. Интерес к писателю, помимо литературной славы и репутации изысканного сердцееда, подогревался также тем, что Д'Аннунцио в то время стал активным проповедником двух новомодных увлечений: авиации и кинематографа.

Авиация с самого своего зарождения привлекала Габриэле: еще до отъезда во Францию он завязал знакомство с итальянскими авиаторами и не раз совершал полеты вместе с ними. Героем своего последнего написанного в Италии романа «Быть может – да, быть может – нет» он также сделал авиатора, наверное, первым из крупных литераторов обратив внимание на эту новую профессию. Интерес к технике будущего объективно сближал Д'Аннунцио с младшими, чем он, на целое поколение футуристами, хотя Габриэле и не был с ними непосредственно знаком.

(В этом же романе Д'Аннунцио впервые использовал изобретенное им чисто итальянское слово для летательного аппарата «velivolo» – в противоположность

интернациональному «аэроплан». Интересно, что в этом он подобен другому поэту – Велимиру Хлебникову, который привнес в русский язык слово «самолет».)

Кинематограф был еще одной неофитской страстью поэта: первый свой контракт на написание сценария Габриэле заключает в 1910 году; как кинодраматург он оказывается фактически пионером среди именитых литераторов того времени. И хотя контракты он редко выполнял (не только в области кино; заключать договоры с издателями на вымышленные или еще не написанные произведения и, в особенности, получать авансы по этим договорам было для Д'Аннунцио делом привычным), ряд фильмов по его сценариям все же был поставлен, и в первую очередь невероятная для своего времени шестичасовая (!) киноэпопея «Кабирия». В этом псевдоисторическом фильме из жизни Древнего Рима все было задумано и исполнено с типично д'аннунциевским размахом: битвы гладиаторов, египетские пирамиды, «настоящее» извержение Этны... Можно сказать, что голливудские послевоенные колоссы – все эти «Спартаки» и «Бен-Гуры» – просто шли по тропе, за полвека до этого проложенной итальянским гигантоманом.

Такой вот, модный и прогрессивный, писатель стремительно прокладывал себе путь в парижском свете, щедро раздавая направо и налево интервью и обещания и, как уж было заведено, не задумываясь занимая деньги. Особенно сблизился он с кругом Иды Рубинштейн, которая познакомила его, в частности, с Клодом Дебюсси и Бакстом. Плодом этого знакомства стала самая известная работа Д'Аннунцио парижского периода – драма «Мученичество св. Себастьяна». Она была поставлена в 1911 году – с музыкой Дебюсси, декорациями Бакста и Идой Рубинштейн в главной роли. Последнее – женщина, играющая святого Себастьяна, да еще еврейка и лесбиянка – стоило Д'Аннунцио отношений с Ватиканом. 8 мая 1911 года декретом Священной конгрегации он был отлучен от церкви, а католикам было воспрещено чтение его произведений и посещение постановок его пьес. Конфликт со Святым престолом удалось загладить только спустя двадцать пять лет, уже перед самой смертью Габриэле.

В Париже Д'Аннунцио не изменял ни одной из своих привычек: Голубева вскоре была отправлена в отставку, и жертвою его всепожирающей сексуальности пала сначала, несмотря на свои лесбийские пристрастия, Ида Рубинштейн, а затем и ее подруга, американская художница Ромен Брукс. К тому времени Д'Аннунцио уже окончательно покончил с приличиями: многочисленные любовницы проживали вместе с ним в самых причудливых комбинациях, образуя некое подобие гарема.

В отношениях с женщинами Д'Аннунцио был крайне эгоистичен и далеко не всегда бескорыстен, что не помешало ему остаться в памяти современниц великим любовником. Дело, очевидно, было, как всегда приходится признавать в подобных необъяснимых случаях, в магии. Молодая Айседора Дункан вспоминала о поэте: «Этот лысый, невзрачный карлик в разговоре с женщиной преобразался, прежде всего в глазах собеседницы. Он казался ей почти что Аполлоном, потому что умел легко и ненавязчиво дать каждой женщине ощущение того, что она является центром вселенной».

Но, несмотря на все это – на всемирную славу и на любовь прекрасного пола, – любой беспристрастный наблюдатель сказал бы, что жизнь Д'Аннунцио в целом прожита, а карьера – завершена. Казалось бы, что можно было добавить к сделанному и прожитому? В предвоенном 1913 году Габриэле исполнилось пятьдесят лет, писал он все меньше и меньше, и основное уже было написано. Для большинства людей требуется какое-то чрезвычайное событие, чтобы в этом возрасте придать своей жизни новое направление. Для Д'Аннунцио таким событием оказалась война. Она оборвала затянувшуюся первую часть романа жизни и начала новую – с чистого листа.

3

Италия должна была вступить в войну на стороне Тройственного союза, однако этого не произошло – помешали общественные настроения.

Движение за разрыв соглашений и продолжение борьбы с австрийской империей, за возвращение Италии всех территорий с итальянским населением существовало уже давно. Ирредентисты («несгибаемые») требовали присоединения к Италии Верхнего Тироля, Венеции-Джулии и всего Адриатического побережья будущей Югославии. В этой борьбе были свои жертвы и свои мученики: в частности, казненный в Триесте Гульемо Обердан, бывший соученик Д'Аннунцио по университету.

Воспитанный в консервативной провинциальной среде, Д'Аннунцио всегда был настроен националистически, но ничуть не больше и не меньше, чем большинство современных ему итальянских интеллектуалов. Время от времени в связи с какими-нибудь событиями он разражался монархо-патриотической одой, иногда высказывался на политические темы, однако говорить о какой-то жесткой позиции поэта в довоенное время не приходится. Даже в период своего депутатства Д'Аннунцио оставался политическим путаником – ничего другого от модного поэта никто, впрочем, и не ждал.

Самым, пожалуй, ангажированным произведением Габриэле (и предвестником будущей борьбы) стала написанная в 1908 году трагедия «Корабль». Этот бра-вурный опус, посвященный восхвалению былого величия Венецианской республики, уже содержит все характерные для будущего Д'Аннунцио-политика темы: господство над всей Адриатикой, желание увидеть Италию сильной морской державой. Постановка была осуществлена с уже хорошо знакомой нам помпой, рукопись шедевра – торжественно преподнесена городским властям Венеции. Д'Аннунцио восседал в цилиндре и рединготе в гондоле, принадлежавшей потомку знаменитой семьи дожей Фоскари, Пьеро; манускрипт, врученный синдикку, был завернут в красное полотнище с золотым изображением льва святого Марка; синдик вручил Д'Аннунцио ключи от города. В общем, спектакль вышел еще грандиознее, чем постановка пьесы. Тем не менее это был только эпизод в жизни Д'Аннунцио, впрочем, весьма знаменательный в свете будущих событий.

Оказавшись во Франции в начале войны, писатель занимает откровенно проантантовскую позицию. Он посещает фронт, пишет военные корреспонденции для итальянской прессы и американского концерна Хёрста. Ирредентисты и сторонники Антанты в Италии начинают присматриваться к Д'Аннунцио – им нужна крупная фигура, способная стать знаменем их движения. Однако Габриэле долго колеблется, обдумывает ситуацию, да, впрочем, и боится оторваться от привычной жизни во Франции, в небольшом поместье, где он окружен своими наложницами, лошадьми и гончими псами.

Только в 1915 году, когда общественное мнение в Италии полностью созревает для вступления в войну на стороне Антанты, он решается: 3 мая Д'Аннунцио отбывает в Италию. На границе его встречают участники добровольческих итальянских бригад, сражавшихся во Франции и Бельгии под руководством внука Гарибальди – Пеппино. По мере того как поезд движется в сторону Генуи, кортеж становится все более пышным и представительным – к нему присоединяется ряд высших военных чинов, мэры Рима и Неаполя, оппозиционные сенаторы.

В Геную Д'Аннунцио прибывает уже как триумфатор. На площади Кварто, перед огромным количеством народа он произносит знаменательную речь. Король первоначально также собирался присутствовать, но, ознакомившись с текстом речи, передумал. На самом деле решение давно принято: уже подписан секретный Лондонский пакт, по которому Италия отрекается от всех военных обязательств по отношению к бывшим союзникам, однако Виктор Эммануил III считает неразумным раньше времени афишировать уже состоявшееся предательство. Д'Аннунцио, правда, не чинят никаких препятствий, и он проводит собрание с огромным успехом.

Не все положительно воспринимают политический дебют поэта: не только германофилы и сторонники нейтралитета, но и многие поклонники поэта считают его поведение низкопробным фарсом.

Однако что до этого Д'Аннунцио?.. Он купается в лучах всенародной славы, произносит одну речь за другой и с удовольствием примеряет на себя тогу национального трибуна (что, впрочем, не мешает ему в своем обычном стиле оставить в наследство муниципалитету Генуи неоплаченный счет за шикарный номер в гостинице и услуги двух проституток).

Явившись в Рим, Д'Аннунцио вновь раздражается серией воинственных речей с балкона дома, у которого постоянно дежурят толпы солдат и столичной молодежи. Как раз в это время он впервые использует приветственный жест легионеров Древнего Рима – тот самый, который позднее возьмет на вооружение Муссолини.

23 мая 1915 года при общем ликовании Италия объявляет войну Австрии. Д'Аннунцио сразу же направляется в действующую армию, в Венецию. В скромном чине капитана, однако с негласными и неписаными привилегиями, которые обеспечены ему благодаря популярности и известности, и, конечно же, определенной дисциплинарной вольности, присущей армиям латинских наций, где герой-капрал зачастую имеет больше власти, чем генерал.

Воюет Д'Аннунцио лихо, хотя, по нашим понятиям, достаточно странно. После боевых экспедиций он возвращается в свой уютный маленький дворец на Большом канале, куда из Франции им было выписано все необходимое для жизни гения: наложницы, борзые, персидские ковры и arrasские гобелены. Быт его был устроеннее, чем быт воевавшего на том же фронте Хемингуэя. Но в бою Габриэле оказывался действительно смельчаком и азартно рисковал собой. Несмотря на свои пятьдесят два года, он записывается сначала во флот, где участвует в вылазках торпедных катеров, а к концу лета переходит в авиацию. Он летает на Триест, на Пулу, на Сплит, сбрасывает бомбы и прокламации, видит гибель боевых товарищей, при неудачной посадке повреждает себе зрительный нерв и слепнет на один глаз. С этих пор канонический образ поэта дополняется наглазной повязкой.

И все это время Д'Аннунцио пишет, но уже не художественные произведения, а доклады об улучшении положения дел в военной авиации, надгробные речи, репортажи о воздушных боях, секретные записки с проектами безумных военных экспедиций. Впрочем, особое положение Д'Аннунцио и его неподконтрольность делают его чем-то вроде полевого командира современных гериллий; не-

которые свои идеи он воплощает, не спросившись у начальства. Как ни странно, с успехом, причем отдельные операции навсегда входят в историю войн.

Так, в августе 1918 года он совершает боевой вылет на Вену, ставший первым в истории воздушным налетом на столицу государства-противника и, по существу, рождением дальней бомбардировочной авиации.

(По горячим следам он готовит и налет на Берлин, но тут уж командование жестко блокирует эту выходку в духе камикадзе: из-за нехватки горючего эскадрилья после налета должна была бы приземлиться на вражеской территории.)

Напомним, что на Рождество предыдущего, 1917 года Д'Аннунцио организует и проводит дерзкую ночную вылазку торпедных катеров при поддержке авиации (прожектора на катерах должны были служить навигационными ориентирами для пилотов) на австрийскую военно-морскую базу в Далмации, форт Буккари. И хотя военный эффект от этой акции был равен нулю (боевые корабли на рейде отсутствовали, пришлось ограничиться разбрасыванием бутылок с оскорбительными посланиями в адрес австрияков), театральный эффект превысил всякие ожидания.

Война завершилась 3 ноября 1918 года. Д'Аннунцио закончил ее в звании подполковника, героем в глазах солдат и большинства соотечественников. Прославленный в новом качестве, Д'Аннунцио тем не менее далек от удовлетворенности: мир не обещает ему ничего интересного. «Чувствую зловоние мирной жизни», – пишет поэт в день заключения перемирия.

Нерастроченный воинственный пыл, однако, недолго остается невостребованным.

В результате сложных политических интриг союзники решают поступить с Италией так, как обычно поступают с бедными родственниками, то есть оставить без обещанного куска пирога. В накаленной обстановке разоренной войной страны это вызывает массовое недовольство, особенно среди вернувшейся с фронтов молодежи. Демобилизованные двадцатилетние, которые умеют только воевать, становятся, так же как в России и Германии, опасной и легковозбудимой революционной силой, способной оказывать давление на власть. Их влияние так велико, что сложившаяся система солдатской демократии даже получает особое название «trincerocrazia» – «власть окопов». Костяк этой жадно прислушивающейся к речам вождей молодежи составляют так называемые «ардити», «пыльные» – ветераны элитных формирований вооруженных сил: гвардии, кавалерии, авиации и флота. Они ищут себе подходящего лидера. Основных

претендентов на эту роль двое: молодой и энергичный Бенито Муссолини и наш герой.

Вокруг Д'Аннунцио завязывается борьба с целью перетянуть его на свою сторону. Участвует в ней и партия власти: правительство предлагает поэту звание маршала авиации и пост вице-премьера. Осторожный, когда это необходимо, Габриэле выжидает, присматривается к ситуации. По мере того как становится все более и более ясно, что на версальских переговорах Италию собираются элементарно надуть, в областях с итальянским населением начинаются восстания ирредентистов. 30 октября 1918 года в городе Фиуме (современная хорватская Риека), где восемьдесят процентов населения составляли тогда итальянцы, восстание кончается захватом власти. Восставшие провозглашают республику – с намерением впоследствии присоединиться к Италии. Город для поддержания порядка оккупируют союзники: французы и итальянцы.

Д'Аннунцио пытается определить свою политическую линию. С одной стороны, он начинает прощупывать почву для сближения с Муссолини, который в ту же осень окончательно порывает с социалистами и создает фашистское движение, объединившее значительную часть ветеранов войны. С другой – пытается склонить Пьетро Бадольо к высадке подчиненных тому войск в Далмации, чтобы пересмотреть результаты войны силовыми методами. Бадольо вынужден осадить слишком строптивного подполковника; он приказывает Д'Аннунцио не совать нос куда не следует. В ответ Габриэле подает в отставку, чтобы покончить с двусмысленностью своего положения и обеспечить себе *carte blanche*.

7 апреля 1919 года делегация Фиуме предлагает «герою моря и неба» занять пост руководителя государства. Габриэле колеблется, ограничиваясь публикациями в газетах пылких памфлетов и произнесением патетических речей на сходках *ардити*.

Но ситуация продолжает накаляться, подталкивая колеблющегося героя к выбору. 10 июня в итальянской и международной прессе распространяются слухи о существовании заговора под руководством Д'Аннунцио, Муссолини и кузена короля герцога Д'Аосты с целью свержения правительства. Дело пахнет арестом. Загнанный в угол Д'Аннунцио обращается к Виктору Эммануилу III с просьбой о личной аудиенции. Король принимает поэта, выслушивает его заверения в лояльности, но, когда дело доходит до империалистических прожектов Д'Аннунцио, остается непреклонен: «Конституция определяет минимум прав народа и максимум моих прав».

Д'Аннунцио не остается ничего, кроме как пойти ва-банк. Он печатает на страницах еженедельника «Идея национале» пламенный манифест под названием

«Не подчинюсь!» и собирает своих сторонников на площади Капитолия. Выйдя перед ними, он разворачивает знамя, которым был покрыт гроб его боевого товарища Рандаччио, и в течение нескольких часов целует складки знамени, перечисляя при этом названия далматинских городов. Ни полиция, ни войска не решаются помешать сборищу.

Между тем в Версале американский президент Вудро Вильсон вносит предложение: большая часть Далмации должна отойти к новорожденному Королевству сербов, хорватов и словенцев. В Фиуме вспыхивают кровопролитные столкновения между итальянскими частями, поддерживающими ирредентистов, и французами, вставшими на сторону югославын.

Медлить дольше нельзя: представители Фиуме являются в Венецию, куда возвращается из Рима Д'Аннунцио. Они хотят забрать его с собой. В последнем пароксизме нерешительности поэт пытается притвориться больным, но это не помогает. И вот рано утром 11 сентября начинается «поход на Фиуме». Впереди едет Д'Аннунцио в открытом «фиате», засыпанном лепестками роз, за ним следуют пятнадцать грузовиков с *ардити*. По дороге к колонне присоединяются группы солдат, карабинеров и беженцев из Далмации. В километре от границы их пытается остановить командующий экспедиционным корпусом в Фиуме генерал Патталуга. Д'Аннунцио скидывает шинель и демонстрирует генералу грудь, покрытую боевыми орденами: «Если вы сможете прострелить *это*, то стреляйте». Патталуга со своими солдатами переходит под командование Д'Аннунцио.

В 11.45 12 сентября 1919 года легионеры без единого выстрела входят в город: их встречают колокольным звоном, приветственным ревом сирен и орудийным салютом со стоящих на рейде военных кораблей. Начинается полуторагодовая история одного из самых странных государств, существовавших в XX веке, – Регентства Фиуме.

Утомленный путешествием, Д'Аннунцио пытается отоспаться в гостинице, но его будят и сообщают, что он назначен губернатором и военным комендантом города.

(«Comendante» впоследствии станет чем-то вроде почетного звания Д'Аннунцио, все будут обращаться к нему до самой смерти именно так.)

«Кто? Я?» – удивленно переспрашивает Д'Аннунцио, но его уже тащат на балкон, откуда он говорит собравшимся горожанам: «Итальянцы Фиуме! В этом недобром и безумном мире наш город сегодня – единственный островок свободы. Этот чудесный остров плывет в океане и сияет немеркнущим светом, в то время как все континенты Земли погружены во тьму торгашества и конкуренции. Мы –

это горстка просвещенных людей, мистических творцов, которые призваны посеять в мире семена новой силы, что прорастет всходами отчаянных дерзаний и яростных озарений».

Народ в восторге, однако одних красивых слов мало: надо заниматься государственным и военным строительством. Дело, впрочем, облегчает то обстоятельство, что в Фиуме начинают стекаться силы: *ардити* со всех концов страны, дезертировавшие солдаты и матросы. Правительственные войска, подчиняясь приказам премьера Нитти, занимают позиции вокруг города, но бездействуют, поскольку их симпатии всецело на стороне Д'Аннунцио.

14 сентября адмирал Казануова приказывает боевым кораблям покинуть фиумский порт – капитаны отказываются и переходят на сторону республики. Триумфатор пишет хвастливое письмо Муссолини, который так и не решился присоединиться к «походу на Фиуме»: «Я в равной степени потрясен Вами и итальянским народом... Вы хнычете, в то время как мы боремся... Где Ваши фашисты, Ваши волонтеры, Ваши футуристы? Проснитесь! Проснитесь и устыдитесь... Прокोलите дырку в Вашем брюхе и спустите жир. Иначе это сделаю я, когда моя власть станет абсолютной». Муссолини не остается ничего другого, кроме как поддержать Д'Аннунцио деньгами и отрядом бойцов, но с этого момента он надолго затаил жгучую зависть к преуспевшему сопернику, смешанную с восхищением. Это чувство еще даст о себе знать позже.

Между тем народ надо было кормить. Д'Аннунцио принимает решение вполне в духе средневекового кондотьера (каковым он, в сущности, и был): боевые корабли Фиуме отправляются бороздить Адриатику, захватывая все повстречавшиеся по пути торговые суда. Так корсарство становится основным источником снабжения «республики красоты» провиантом и товарами первой необходимости. В пиратское государство начинают стекаться самые удивительные персонажи: поэты, контрабандисты, воры, аферисты, кафешантанные певицы, безумные изобретатели и просто отбросы общества. Всех привлекает аромат абсолютной свободы и беззакония: на улицах Фиуме каждую ночь до утра шумит сюрреалистический карнавал. Хлеба все равно не хватает – для поддержания боевого духа и работоспособности гражданам вместо хлеба щедро раздают кокаин. Сам Д'Аннунцио почти не спит: он пишет декларации и приказы, обращается к толпе с речами несколько раз на дню (и даже по ночам). В этот период он и сам привыкает к кокаину, который останется его пагубной страстью вплоть до самых последних дней жизни.

Д'Аннунцио пишет первый проект конституции. В стихах. Испуганные соратники призывают его не горячиться. Конституцию в прозе пишет премьер вольного города, социалист Де Амбрис, но Габриэле все же добавляет в нее от себя не-

мало курьезных пунктов. В частности, обязательное музыкальное образование для детей, без которого гражданство Фиуме не предоставляется. Также вводится государственный культ муз с сооружением соответствующих храмов.

Революция в Италии заставляет себя ждать. Муссолини, понимающий, что нельзя отдать победу в руки конкурента, удерживает свои отряды от активных действий. Д'Аннунцио, которого неудержимо несет на поле боя, решает заняться пока альтернативной военной кампанией: он пытается сговориться с хорватскими сепаратистами, чтобы отправиться в поход на Загреб с целью «сбросить ненавистное сербское иго». Попутно он не забывает и об искусстве: в Фиуме в качестве министра культуры приглашается знаменитый Артуро Тосканини. Маэстро соглашается, и теперь, кроме кокаина и речей, публику услаждают еще и симфоническими концертами на городской площади.

На должность министра иностранных дел Д'Аннунцио назначает бельгийского поэта-анархиста Леона Кохницкого. Первым делом министр-анархист обращается с предложением создать Лигу угнетенных Земли. Предложение рассчитано в первую очередь на поддержку Советской России, но Совнарком отвечает крайне осторожной сочувственной телеграммой: кремлевские комиссары чувствуют, что флибустьерская фиумская вольница больше напоминает контрреволюционный мятеж, чем советскую власть. На предложение откликаются лишь некоторые, не менее экзотические, чем сам Фиуме, формирования: каталонские сепаратисты, вожди крестьянского восстания в Мексике и, зачем-то, египетский хедив.

Тем временем голод и разброд в городе нарастают: несмотря на ряд успешных пиратских рейдов, нехватка многих вещей очень ощущается, особенно после того, как правительственные войска наконец переходят к активной блокаде города. Но, вопреки всему, Д'Аннунцио держится.

В первую очередь потому, что никто его не трогает. Ведь он удобен всем: итальянскому правительству – в качестве жупела для торга с союзниками, союзникам – как противовес требованиям югославян и предлог для пребывания их частей в Далмации, Муссолини – как болячка, отвлекающая силы правительства от его собственного, планомерно подготавливаемого государственного переворота.

Фантазии Д'Аннунцио и его мистико-поэтические эксперименты все больше и больше отдаляют от него поднявших изначально восстание отцов города. Их целью было всего лишь войти в состав Итальянского королевства на правах провинциального города. Поднятый Д'Аннунцио над городом государственный стяг с созвездием Большой Медведицы на пурпурном фоне, окольцованном змеей Уроборос, кусающей собственный хвост, вызывает у них ужас. Окружившие

поэта авантюристы (министр финансов имеет три судимости за кражи) им ненавистны. Обывательская мораль их содрогается при виде вереницы дам всех сословий и наций, проходящих через спальню команданте, словно машины на фордовском конвейере. В среде ирредентистов созревает решение устранить Д'Аннунцио под предлогом того, что он пытается присвоить себе диктаторские полномочия.

Д'Аннунцио, не знаящий о том, что творится у него за спиной, продолжает свою буффонаду: 22 сентября он встречает прибывшего в Фиуме изобретателя радиотелеграфа Гульельмо Маркони. Поприветствовав очередной речью «мага пространства» и «покорителя космических энергий», он обращается при помощи мощной радиостанции, установленной на борту маркониевского судна «Электра», с речью «ко всем народам мира». Народы мира остаются вполне равнодушны.

Заговорщики медлят, опасаясь верных Д'Аннунцио легионеров, но 12 ноября необходимость в заговоре отпадает сама по себе. Италия подписывает в Рапалло соглашения, по которым почти вся Далмация, включая Фиуме, отходит к Королевству сербов, хорватов и словенцев. Теперь Фиуме обречен – с Д'Аннунцио нет больше никаких резонов считаться. Коварный Муссолини первым перекидывается на сторону победителей: руки у правительства развязаны. Начинается агония, шикарная агония под звуки оркестра, играющего на городской площади. Кольцо войск, окружающее город, начинает сжиматься, рейд блокируют правительственные крейсера.

26 декабря 1920 года Д'Аннунцио подает в отставку. 2 января нового, 1921 года после короткой и почти бескровной перестрелки Д'Аннунцио сдает город под гарантии личной безопасности и помилования всех участников фиумской эпопеи. Через пару недель все на том же «фиате», но уже без лепестков роз, в сопровождении шофера и адъютанта он покидает город. Одно из первых в мире государств под руководством поэта заканчивает свое существование.

4

Д'Аннунцио возвращается в Венецию. Он внутренне надломлен и отчетливо ощущает, что его звездный час миновал. Никто не обращает на него внимания. Никто, впрочем, и не преследует. В глазах всей нации, не исключая и правящие круги, он все равно остается героем. Национальное пристрастие итальянцев к «bella figura» оказывается важнее, чем идейные разногласия, к тому же идеи, которыми руководствовался Д'Аннунцио в фиумский период, настолько пестры, что любой мог найти в них что-нибудь приемлемое для себя: и коммунист, и фашист, и анархист, и монархист.

Д'Аннунцио погружается в меланхолическую депрессию. Он отвергает любые предложения, связанные с общественной деятельностью. Все, что ему теперь нужно, – это «приют на берегу моря или озера, далекий от железных дорог, где, укрывшись от верных легионеров и слишком преданных друзей», он сможет в покое окончить свои литературные труды. 30 января 1921 года поэт приобретает на берегу озера Гарда виллу, реквизируемую у немецких хозяев, дальних родственников Рихарда Вагнера.

Команданте дает вилле величавое название «Vittoriale degli Italiani» – что-то вроде «Храма победы итальянского народа». Но суждено ей стать не столько храмом, сколько прижизненным мавзолеем для самого Д'Аннунцио.

Начинается осень патриарха: печальная буффонада протянувшейся пятнадцать лет старости.

Тем временем Муссолини стремительно продвигался к власти. Он всегда испытывал перед Д'Аннунцио пиетет с примесью страха – слишком многим он обязан старшему наставнику. Позы, риторика, идеи – все это в той или иной степени усвоено не без влияния Д'Аннунцио. Муссолини принимает решение, достойное Макиавелли, – не отказывать поэту ни в чем, подыгрывать присущей ему мании величия и таким образом постепенно «удушить его бархатной подушкой». Ведь выступить открыто против Д'Аннунцио небезопасно: десятки тысяч *ардити* и фиумских легионеров по-прежнему считают его своим вождем и готовы идти за ним в огонь и воду.

Сам Д'Аннунцио смотрит на Муссолини сверху вниз, считая его старательным, но посредственным подражателем, а фашизм – плебейской пародией на свои идеи, что не мешает ему льстить более молодому вождю так же неумеренно, как тот льстит ему.

Но действовать Д'Аннунцио уже не хочет или не может, и, когда Муссолини посещает «Витториале» с тайным визитом, желая узнать отношение команданте к готовящемуся фашистскому перевороту, Д'Аннунцио встает в надмирную позу обитателя башни из слоновой кости. Муссолини это более чем устраивает. Обеспечив нейтралитет *ардити* фашисты могут чувствовать себя хозяевами страны.

30 октября 1922 года Муссолини сосредоточивает в своих руках всю полноту власти. Он благодарен Д'Аннунцио за невмешательство и выражает свою благодарность с размахом: государство выкупает «Витториале» и берет на себя все расходы по его содержанию. Указом дуче создается национальный институт для издания полного собрания сочинений Д'Аннунцио, государство приобретает у

поэта все архивы, его осыпают целым ливнем новых наград, избирают академиком.

Д'Аннунцио с увлечением втягивается в эту игру. Он решает создать в «Витториале» нечто вроде прижизненного дома-музея. В саду вокруг виллы на постаменты водружаются реликвии: уже известный читателю открытый «фиат» и торпедный катер, участвовавший в нападении на Буккари. Муссолини присылает Д'Аннунцио огромные глыбы, вырезанные из «исторических вершин» – гор, находящихся на территориях, присоединенных к Италии в результате войны. Эти каменюги также находят свое место в саду, окружающем «Витториале». Д'Аннунцио без конца принимает у себя прибывающие с визитами вежливости делегации политиков, писателей и легионеров, проводит по парку и вилле, демонстрируя мемориал в честь своего собственного героического прошлого. Для самых почетных гостей команданте лично производит салют из носового орудия торпедного катера.

Слишком поздно он начинает понимать хитрый замысел «друга Бенито». Со всех сторон Д'Аннунцио окружен соглядатаями: личный секретарь, водитель, пилот гидросамолета, охрана – сплошь агенты фашистской службы безопасности. Любая безобидная прихоть Д'Аннунцио, любая его просьба – оказать протекцию старым друзьям или наградить кого-нибудь орденом – незамедлительно удовлетворяются. Но на все его попытки вмешаться в политику дуче отвечает вежливыми письмами – и делает все по-своему. Вскоре уже и руководство движением легионеров ускользает из рук Д'Аннунцио; в большинстве своем *ардита* вливаются в ряды фашистских организаций.

Каждодневная переписка между поэтом и диктатором продолжается почти пять лет: Д'Аннунцио наставляет, угрожает, требует, торгуется; Муссолини улещивает, подкупает, восторгается. К 1927 году неизбежная капитуляция фактически совершается: Д'Аннунцио теряет последние рычаги власти и становится почетным пленником режима.

(В СССР разыгралась в чем-то подобная драма: тою же «бархатной подушкой» в особняке у Никитских ворот Сталин душит Максима Горького. Интересно, учился ли он у Муссолини, или просто все несостоявшиеся поэты отлично знают, как заманить в ловушку поэтов состоявшихся?)

Д'Аннунцио признает поражение: в его письмах уже не встретишь просьб о назначениях министров или указаний, как вести внешнюю политику, – все больше жалкие старческие просьбы о новой медальке к юбилею или сетования на недостатки в работе местной администрации. Начинается деградация – физическая и психическая, – ускоренная неумеренным потреблением кокаина и

эфира. Временами Д'Аннунцио снова пробует писать, однако, за исключением пары автобиографических произведений, из-под его пера выходят одни только неоконченные фрагменты.

В последние годы жизни он практически не покидает «Витториале», не принимает посетителей, полностью погрузившись в атмосферу грез и воспоминаний, перечитывая дневники, письма и записные книжки. Болезни все чаще и чаще преследуют его, и вечером 19 сентября 1938 года смерть наконец настигает семидесятипятилетнего поэта.

Впрочем, в одном Д'Аннунцио, несмотря на свои болезни и печали, остается верен себе до конца: последняя дама покинула его спальню за четыре часа до того, как перестало биться его сердце.

Эпилог в вольном стиле

Чем закончить рассказ об этой удивительной жизни? Можно погрузиться в рассуждения о посмертной судьбе наследия Д'Аннунцио, о том, как драматически поменялось отношение к нему после крушения фашизма, о той почти культовой роли, которую стала играть (и играет до сих пор) его фигура в экстремально ориентированных кругах: политических и артистических. Можно углубиться в психологию культуры, в разговор о том, как биографическая легенда порою укрупняет значение автора (напомним еще раз: сейчас непросто сопереживать восторгам современных Д'Аннунцио читателей). Можно, сделав шаг в сторону, полюбоваться кармическими играми истории, проанализировав то, как развивались отношения между Муссолини и Гитлером, – одержавший победу над Д'Аннунцио диктатор сам оказался в шкуре своей жертвы, повстречав более сильного и лишенного поэтических сантиментов «нежного вампира».

Но нам хотелось бы закончить разговор на легкомысленной ноте и сделать несколько полезных для всех выводов из повести чужой жизни:

1) *Никогда не говорите: «Мне уже слишком поздно начинать...»*

Д'Аннунцио, ставший авиатором в пятьдесят два года, вызывает большее уважение, чем Гайдар, командовавший полком в шестнадцать.

Первому, в отличие от второго, было что терять.

2) *Лучший способ написать много книг – придумывать названия и брать под них авансы у издателей. Если не стесняться и действовать с размахом, то можно стать даже классиком.*

3) *Тщательно проверяйте всех тех, кто хвалит вас и называет учителем. Среди них может оказаться не только ваш Иуда, но и ваш Муссолини.*

Второе намного опаснее.

4) *Управлять народом ничуть не тяжелее, чем развлекать читателя. И не легче – и в том и в другом случае вам рано или поздно придется смириться с потерей популярности.*

Д'Аннунцио был противоречивой личностью во всех смыслах: как писатель, как политический деятель, как гражданин и как частное лицо, поэтому суждения о нем не могут не быть противоречивыми. Некоторые вещи (в частности, изобретение символики и риторики фашизма) ему и сейчас тяжело простить.

Однако все же не будем слишком пристрастны к Габриэле Д'Аннунцио. В конце концов, ему удалось прожить насыщенно и увлекательно целых три жизни.

Многим не удастся прожить так и одну.

Источник: <https://magazines.gorky.media/inostran/1999/11/tri-zhizni-gabriele-d-annunzio.html>

Библиотека Велесова Слобода, 2014 г.

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).